

О ТИПАХЪ ВОЗРАСТАНІЯ ¹⁾.

*λέγω ἑμῖν, μέζων ἐν γεννητοῖς γυναικῶν
Ἰωάννου οὐδεὶς ἐστίν ὁ δὲ μικρότερος ἐν τῇ
βασιλείᾳ τοῦ Θεοῦ μέζων αὐτοῦ ἐστίν (Лк. 7, 28).*

I.

Въ Житіи св. Пахомія Великаго повѣствуется, какъ однажды одинъ изъ иноковъ попросилъ этого святаго разсказать ему о какомъ-либо видѣніи.—„Самое чудесное видѣніе, отвѣчалъ Пахомій, это то, когда ты увидишь лицо человѣка, въ которомъ отражается чистота и глубокое смиреніе сердца. Можетъ ли быть лучшее видѣніе, чѣмъ видѣть невидимаго Бога, обитающимъ въ человѣкѣ, какъ въ своемъ храмѣ...“

Въ этомъ высшемъ прозрѣніи человѣческаго бого-сродства, какъ и въ еле-уловимыхъ переливахъ простого сочувствія и щемящаго душу состраданія; въ платоновскомъ эросѣ ко все-превозмогающей красотѣ, въ изступленномъ паѳосѣ восторга, дающемъ выразумѣть неземное, осіянное ядро личности, какъ и въ крѣпко-уплотненномъ сознаніи братства,—во всякомъ реальномъ касаніи къ другой душѣ, во всякомъ переживаніи личности человѣческой, при всякомъ выходѣ изъ процессовъ внутри-субъективной жизни, съ необходимостью выступаютъ два момента и, при томъ, на

¹⁾ Мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ вопроса о типахъ возрастанія и почти не говоримъ о типахъ убыванія. Этого требовала краткость статьи, тѣмъ болѣе, что послѣдній вопросъ не трудно обсудить по плану, аналогичному съ предлагаемымъ въ настоящей статьѣ. Психологическіе же примѣры, иллюстрирующие отвлеченную мысль, разбросаны повсюду, особенно у Достоевскаго. „Никакое паденіе личности не есть послѣднее паденіе“—вотъ тотъ выводъ, который получился бы въ итогъ предполагаемаго анализа.—Добавимъ еще что нѣкоторые изъ встрѣчающихся здѣсь понятій (актуальная и потенціальная безконечности, группа, ранговое отношеніе и т. п.) разъяснены въ статьѣ „О символахъ Безконечности“ („Новый Путь“, 1904, № 9).

взглядъ, исключаютъ другъ друга. Оба они съ безпримѣсною красочностью отмѣчены въ словахъ Пахомія.

Съ одной стороны, личность предстоить сознанію, какъ цѣнность безусловная, какъ нѣкоторая актуально являющаяся ему безконечность. Но съ другой стороны, она—цѣнность условная, сравнительная и, какъ таковая, способная быть больше и меньше,—отъ „украшенія міра“, *κόσμος κόσμου*¹⁾, даже до „звѣриннаго образа“ включительно. Личность—храмъ Божій, но она же—и Живущій въ немъ, конечное и безконечное, животное и богъ, сочетанье ангела и звѣря (если вѣрить іудейскимъ раввинамъ)²⁾—существо двойственной жизни или амфибія, какъ назвалъ ее Плотинъ.

Это кажущееся противорѣчіе между двумя характеристиками личности устраняется различеніемъ въ ней двухъ сторонъ бытія: идеальнаго момента и момента реальнаго, цѣннаго постольку, поскольку въ немъ отпечатлѣлся первый;—нѣкотораго я знаніе котораго о себѣ, со-вѣдѣніе или совѣсть котораго есть гласъ Божій, и другого я, неразрывно связаннаго съ первымъ, которое тоже безусловно, но только въ возможности, а не въ дѣйствительности,—„въ дѣйствительности же ничтожно“ (Вл. Соловьевъ).

Сейчасъ было бы неумѣстно обсуждать ихъ взаимную связь³⁾. Намъ важно только одно: имѣются переживанія, когда происходитъ откровеніе личности, когда знаніе о личности сопровождается знаніемъ личности, т. е. когда нормативная идея о личности, какъ транс-субъективной дѣйствительности, идетъ рядомъ съ живымъ, имманентномъ сознанію бытіемъ личности. Анализируя эти переживанія, мы съ необходимостью должны мыслить не только актуальность

¹⁾ Такъ названъ человѣкъ въ чинопослѣдованіи литургіи пост. апост. „Пост. ап.“ кн. 8, гл. 9 и 12.

²⁾ „Богъ рѣшилъ, говорили раввины, создать такого человѣка, который былъ бы комбинаціей ангела и звѣря, дабы онъ имѣлъ способность слѣдовать добруму и злему стремленію“ (См. Н. Глубоковскаго „Благовѣстіе св. Апостола Павла и т. д.“ 1905, СПб. Кн. I, тракт. II, гл. IV, стр. 305, прим. 110. Съ ссылкой на S. Schechter, *The Child in the Jewish Literature* въ „*Studies in Judaism*“ p. 347). Откидывая необоснованное утвержденіе, что человѣкъ сотворенъ такимъ, какимъ мы его наблюдаемъ, получили точное описаніе наблюденій.

³⁾ Это будетъ сдѣлано въ статьяхъ послѣдующихъ: объ ангеологій и возрастаніи типовъ и др.

безусловной цѣнности ея, но и потенціальность цѣнности, такъ что послѣдняя можетъ возрастать или убывать.

Отсюда—переходъ къ постепенному раскрытію личности безусловной,—къ идеѣ о процессѣ измѣненія для личности условной. При этомъ, безконечность раскрывающагося ведетъ къ возможности безконечнаго раскрытія личности, сверхъ всякой данной цѣнности, т. е. къ признанію за личностью, помимо безконечности актуальной, еще и безконечности потенціальной. Если личность въ одномъ смыслѣ есть безконечность въ актѣ; то въ другомъ—она безконечность въ потенціи. Выражаясь богословскими терминами ¹⁾, скажемъ: у личности не только образъ Божій (цѣлѣм элогим— $\epsilon\lambda\omicron\gamma\iota\mu$), но еще и подобіе Божіе (демуѣ элогим— $\delta\epsilon\mu\acute{\iota}\epsilon$)—возможность безконечнаго раскрытія въ реальномъ обнаруженіи; не только данность безконечности, но и безконечность данности.

Если человѣкъ не всецѣло поглощенъ жадной Безконечнаго, если не съ головой ушелъ въ запечатлѣніе реальной стороны своей личности печатью безусловнаго, то эта реальная сторона, вообще говоря, можетъ мѣняться по своей цѣнности, дѣлаясь болѣе или менѣе совершенной. Не то—при неудержимо-влекущемъ желаніи совершенства,—при сознательной работѣ, направленной неуклонно всегда въ одну сторону, „къ почести вышняго званія“ ²⁾. Тогда раскрытіе цѣнности идетъ поступательно, цѣнность нарастаетъ, и этотъ процессъ, какъ ростъ, подчиняется общимъ формальнымъ законамъ всякаго возрастанія. Разъ это признано, то тѣмъ самымъ и апріорно-выведенныя слѣдствія этихъ общихъ законовъ неминуемо находятъ себѣ мѣсто въ ученіи о совершенствованіи. Такимъ образомъ тутъ, въ обсужденіи процесса развитія, тѣснѣйше соприкасаются дисциплины, на первый взглядъ вполне чуждыя другъ другу; это—математика и нравственное богословіе. Постараемся показать одну-двѣ точки такого соприкосновенія,—слегка очертить, какимъ формальнымъ условіямъ должно удовлетворять развитіе личности,—процессъ ея обоженія, если говорить языкомъ христіанской аскетики. ³⁾

¹⁾ Быт. 126, 27.

²⁾ Фил. 3, 14.

³⁾ $\Theta\epsilon\omega\sigma\iota\varsigma$, deificatio, $\Theta\epsilon\omicron\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, чрезъ которое дѣлаемся, по слову ап. Петра, „причастниками Божескаго естества“, $\Theta\epsilon\iota\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\kappa\omicron\nu\omicron\tau\omicron\iota\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\sigma\epsilon\omega\varsigma$ (2 Посл.

II.

„Математика и нравственное богословіе?... Очевидно, рѣчь идетъ о какихъ-нибудь аналогіяхъ и сравненіяхъ изъ той и другой области. Вѣдь первая говоритъ о величинахъ, тогда какъ послѣдняя имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что не подлежитъ измѣренію и что, слѣдовательно, не можетъ быть обрабатываемо математически. Эти двѣ области столь различны, что если можно находить между ними какую-нибудь связь, то вся она исчерпывается намеками, подобіями и образами“.—Такое мнѣніе слишкомъ распространено, чтобы могли быть обойдены молчкомъ возникающія на его почвѣ рѣчи возражателей. Красивы переклики сходствъ и узоры созвучій; красиво всякое аналогизированіе, обрамляющее осознанную связь и поясняющее то, въ чемъ мы уже увѣрены; но безъ такой опоры и принимаемое въ серіозъ, оно легко становится украшеніемъ дурного научнаго вкуса, если только мы вышли изъ области чистыхъ переживаній. Поэтому важно подчеркнуть, что ниже-приводимыя соображенія—не аналогіи или сравненія, а указанія на сходство по существу,—не что-либо, что можно принимать, но можно и не принимать, въ зависимости отъ вкусовъ, а нѣчто, правомѣрность чего опредѣляется достаточно раздѣльными послылками; короче—необходимо-мыслимая схемы.

Главная же изъ этихъ посылокъ безусловно отрицаетъ, чтобы математическому вѣдѣнію подлежали только величины. Основная математическая идея,—идея группы, относится ко всему тому, въ чемъ сознаніе производитъ синтезъ множественности въ единство; уже этотъ синтезъ, будучи основной функціей сознанія ¹⁾, дѣлаетъ математику, какъ науку

Петра 14). Такъ называемый Діонисій Ареопагитъ называетъ этотъ процессъ „священнымъ“, *ἱερὰν θέωσιν* (Cap. I de eccles. Hierarchia, sect. II, p. 128), и „намъ соотвѣственнымъ обоженіемъ“, *τὴν ἡμῶν ἀνάλογον θέωσιν* (Cap. I de coelesti Hierarchia, sect. III, p. 4). По его объясненію это—„нѣкоторое, сколько возможное, уподобленіе и единеніе съ Богомъ“, *θέωσις ἐστὶν ἡ πρὸς Θεόν, ὡς ἐφικτόν, ἀφομοίωσις, τε καὶ ἕνωσις*. Другія подробности см., напр., у Свицера (Ioh. Caspari Suiceri Thesaurus Ecclesiasticus etc., T. I, col. 1398).

¹⁾ См. напр. „Прелюдія“ Виндельбанда пер. С. Франка: „Система Категорій“, стр. 334—350, особенно въ началѣ. См. также мое Вступленіе къ переводу „Физическ. монадологіи“ Канта („Богословск. Вѣстн.“ 1905 № 9).

о группахъ, примѣнимой повсюду, гдѣ только функционируетъ сознание.

Слѣдующая основная идея математики,—идея функціи или функциональной зависимости между группами—, находитъ свое примѣненіе всякій разъ, какъ сознание производитъ синтезъ двухъ или большаго числа группъ съ сохраненіемъ ихъ индивидуальнаго единства, т. е. тамъ, гдѣ группы приводятся въ соотношеніе активностью сознанія, съ одной стороны удерживающимъ элементы группъ распределенными въ ихъ первоначальныхъ единствахъ между собою, а съ другой—образующимъ новую группу, высшаго порядка, но уже не изъ первоначальныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ или иныхъ связей, соотвѣтствій между элементами разныхъ группъ или, если угодно, рассматривающимъ подгруппы, образованныя изъ элементовъ основныхъ группъ, какъ элементы вновь синтезируемой группы.

Установить соотвѣтствіе между элементами группъ—вотъ съ формальной стороны все то, что мы мыслимъ, говоря о законѣ или о закономерностяхъ. А такъ какъ размышленіе только и начинается съ установки общаго явленія, т. е. съ съ подведенія ихъ подъ закономерность, хотя бы самую примитивную, то мы можемъ сказать, что вторая основная идея математики примѣнима тамъ, гдѣ начинается рефлексія.

Отсюда ясно, что математика, вообще говоря, вовсе не занимается величинами. Великою объектъ ея,—группа, становится при весьма спеціальныхъ условіяхъ ¹⁾; основныя же требованія примѣнимости имѣются всегда,—имѣются и въ области духовнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнную данную прямого опыта составляетъ наличность многихъ состояній въ человѣческой личности,—разумѣю просто то, что человѣкъ не остается абсолютно тождественъ себѣ. Множественность различныхъ состояній, объединенная въ единство, поскольку всѣ они относятся къ единому субъекту, образуетъ группу. Устанавливая связь отдѣльныхъ состояній съ соотвѣтственными моментами времени, мы получаемъ функциональную зависимость между духовной жизнью и временемъ.

Иной вопросъ, можно ли реализовать эту функцію единообразными аналитическими приемами, и какъ именно. Но,

¹⁾ Было бы невозможно раскрыть ихъ въ статьѣ столь короткой, да это намъ и не важно.

какъ и въ математикѣ чистой, самая наличность соотвѣтствія и знаніе нѣкоторыхъ его свойствъ уже позволяютъ намъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія на счетъ природы функціи чисто-формальнымъ путемъ, а потому выполняемая всякой функціей, если только для нея указаны такія же свойства. Въдѣ и въ общихъ изслѣдованіяхъ, функція часто не реализуема въ видѣ формулы, по крайней мѣрѣ при наличныхъ средствахъ математики; часто также формула оказывается ненужной, хотя и возможна ¹⁾).

Въ извѣстныхъ случаяхъ (а на практикѣ—всегда) возможно расположить элементы группъ, синтезированныхъ въ функцію, въ нѣкоторомъ необратимомъ порядкѣ, руководствуясь тѣмъ или инымъ соображеніемъ; тогда между элементами будутъ отношенія по рангу, и мы сможемъ говорить символически о возрастаніи и убываніи функціи (зависимаго переменнаго) въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ или убываніемъ аргумента (независимаго переменнаго).

Въ вопросѣ о развитіи личности, независимое переменное—время. Но *irreparabile tempus fugit*; время—группа необратимая по природѣ своей, и тѣмъ самымъ элементы его уже расположены по рангу. Зависимымъ переменнымъ, въ нашемъ вопросѣ, является раскрытость личности; состоянія же духа, подвергнутыя оцѣнкѣ непосредственнаго самосознанія, опредѣленныя по своимъ отношеніямъ къ нормамъ, тоже выстраиваются въ необратимый рядъ по достоинству, и „лучше и хуже“ является признакомъ, устанавливающимъ ранговое отношеніе. Послѣднее мы можемъ ради краткости условно называть „больше и меньше“, ибо отношенія по величинѣ, какъ и отношенія по достоинству—частный случай отношеній по рангу; у насъ нѣтъ нарочитыхъ словъ, обозначающихъ ранговыя отношенія и волей-неволей пользуешься словами значенія болѣе узкаго.

¹⁾ Такъ, на примѣръ, даже истасканная функція $E(x)$, — „entier отъ x “, — никогда не выражается рядами, хотя нетрудно при помощи рестрикторовъ получить выраженія ея чрезъ тригонометрическіе или даже степенные à double entrée ряды. Но, написавъ ихъ, мы ничего не прибавляемъ къ познанію внутренней природы функціи, и вполне понятно, что пользующіеся ею до раздраженія часто, быть можетъ, никогда не видали достаточно громоздкихъ рядовъ, ее реализующихъ. (См. мою работу „Объ особенностяхъ плоскихъ кривыхъ, какъ мѣстахъ нарушенія ихъ непрерывности“, ч. II).

Отсюда—возможность говорить о возрастаніи и убываніи личности въ связи съ ходомъ времени, какъ вообще мы говоримъ о возрастаніи и убываніи функціи въ связи съ ростомъ ея аргумента. Тутъ, впрочемъ, не сказано ничего новаго сравнительно съ обычнымъ словоупотребленіемъ, когда говорятъ, на примѣръ, что данный человѣкъ „усовершеншился“, „сдѣлался лучшимъ“ и т. п.

Сейчасъ намъ нѣтъ интереса разсматривать всевозможныя закономѣрности при такомъ измѣненіи личности. Мы внимаемъ въ тотъ найинтереснѣйшій случай, когда, съ теченіемъ времени, рано или поздно, начинаетъ личность расти, неуклонно уносясь къ бесконечности. Другой же характерный случай,—случай прогрессивнаго оскудѣнія,—разсматривается по тому же плану, и потому выгодно, въ цѣляхъ краткости, ограничиться первымъ ¹⁾.

Изъ сказаннаго понятно, что необходимо разсмотрѣть предварительно общій вопросъ о, такъ называемыхъ, монотонно-возрастающихъ функціяхъ, или, по крайней мѣрѣ, становящихся таковыми послѣ извѣстнаго значенія независимаго переменнаго и стремящихся въ своемъ ростѣ къ бесконечности. Этотъ вопросъ дастъ неожиданныя точки зрѣнія для взгляда на процессъ совершенствованія личности.

III.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право разсматривать состояніе духовной жизни (y), какъ нѣкоторую функцію Φ времени (x), такъ что символически $y = \Phi(x)$; при этомъ x измѣняется непрерывно, течетъ. Кромѣ того, рано или поздно y получаетъ монотонную возрастаемость до бесконечности ²⁾. Если принять во вниманіе эти обстоятельства, то разсужденіе переходитъ на почву чисто-математическую.

Функцію $\Phi(x)$ станемъ изслѣдовать для нѣкоторой области измѣненія x , отъ a до b , т. е. на протяженіи извѣстнаго промежутка времени. Дополнимъ наши условія еще однимъ:

¹⁾ Впрочемъ, этотъ случай будетъ отчасти затронутъ въ статьѣ: „О любви ко злу“.

²⁾ Т. е. послѣ нѣкотораго, достаточно великаго значенія x , функція нигдѣ уже не убываетъ.

пусть y будетъ непрерывной функціей x для всей разсматриваемой области $a-b$, исключая верхній предѣлъ b , по мѣрѣ приближенія къ которому y безпредѣльно возрастаетъ, превышая всякое данное значеніе. Около этого b , слѣдовательно,—періодъ раста ¹⁾, стремнина духовнаго потока. Верхній предѣлъ b самъ можетъ быть безконечностью; можетъ быть, y безпредѣльно возрастаетъ только при безпредѣльномъ же возрастаніи x . Но мы беремъ общій случай, не предрѣшая ничего о значеніи b , хотя въ примѣрахъ, ради простоты, будемъ предполагать именно, что $b=\infty$.

Время b , примѣнительно къ нашему случаю, не должно непремѣнно быть дѣйствительнымъ моментомъ жизни. Вѣдь намъ важно не фактически-осуществленное достиженіе безконечнаго результата, а лишь *quomodo* духовнаго движенія, его *пѣс*—„растучесть“ духа, законъ возрастанія; законъ же этотъ нисколько не измѣнится по своему характеру, если процессъ развитія прервется хотя бы, на примѣръ, смертью до настатія момента b . Это b , если угодно, можетъ быть такимъ фиктивнымъ временемъ, въ которое личность стала бы безконечной, если бы продолжала развиваться по тому же закону, какъ развивалась до поры до времени. Вотъ почему условіе непрерывности y не вноситъ въ разсужденія существенной узости: если бы функція была прерывной, то мы могли бы разсматривать ее по кускамъ, отъ перерыва до перерыва. Самые же разрывы интересны не съ точки зрѣнія типовъ возрастанія, а съ точки зрѣнія возрастанія типовъ и потому будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей статьѣ ²⁾.

Законовъ роста, т. е. функцій, удовлетворяющихъ сказаннымъ условіямъ, безконечное множество, но между ними можно установить связи, весьма важныя для пониманія развитія въ духѣ. Уяснимъ эти связи сперва на простѣйшихъ примѣрахъ.

¹⁾ Собственно, „расть—пора быстрого росту зелени, хлѣба, пора дозрѣванія плодовъ, ягодъ“ (Даль „Толков. слов.“, Т. 4, стр. 67).

²⁾ Покуда мы отвлекаемся отъ возможности потустороннихъ вoadѣствій, разсматриваемъ путь только-человѣческой, въ кругу силъ, имманентныхъ дѣйствительному и возможному опыту. Возрастаніе же типовъ мыслимо именно при толчкѣ извнѣ, *оттуда*, и, слѣдовательно, по существу дѣла, носить характеръ прерывный.

Возьмемъ ¹⁾ функцию $y_1=6x^3$. Съ возрастаніемъ x отъ 0 до ∞ это y_1 тоже непрерывно растетъ отъ 0 до ∞ , равно какъ и функция $y_2=3x^3$; обѣ онѣ удовлетворяютъ условіямъ, о которыхъ говорено было ранѣе. И та и другая возрастаетъ, но возрастаетъ не одинаково быстро, т. к. отношеніе $\frac{y_1}{y_2}=2$, т. е. y_1 всегда вдвое больше y_2 . Т. к. отношеніе $\frac{y_1}{y_2}$ при всякомъ x , остается конечнымъ, то при всякомъ x функции y_1 и y_2 сравнимы между собою; какъ говорятъ, онѣ стремятся къ безконечностямъ одного порядка. Стоитъ помножить y_2 на постоянный множитель 2, чтобы получить y_1 . Эта во-все-временная сравнимость двухъ функций заставляетъ называть типы возрастанія ихъ равными.

Но легко представить функции, удовлетворяющія выше-сказаннымъ условіямъ, однако съ неравными типами возрастанія. Таковы, на примѣръ, функции $y_4=x^4$ и $y_3=x^2$.— y_4 , какъ и y_3 , стремится къ безконечности вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ возрастаніемъ x , но отношеніе ихъ $\frac{y_4}{y_3}=x^2$, съ безпредѣльнымъ возрастаніемъ x , вовсе не остается ни неизмѣннымъ, ни конечнымъ: оно само стремится къ безконечности, и это показываетъ, что y_4 возрастаетъ гораздо стремительнѣе, чѣмъ y_3 , такъ что разни́ца между ними все увеличивается и превосходитъ всякую конечную разни́цу. Въ виду этого, безконечности, къ которымъ стремятся функции y_4 и y_3 , называются безконечностями разныхъ порядковъ, именно, порядокъ безконечности y_4 больше, чѣмъ безконечности y_3 . А самые типы возрастанія считаются неравными, про нихъ говорятъ, что типъ возрастанія y_4 больше типа возрастанія y_3 . Не смотря на то, y_4 и y_3 все таки остаются еще сравнимыми между собою; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что нужно произвести съ y_3 , чтобы перейти къ y_4 . Нужно, именно, повторить надъ y_3 ту самую операцію, при помощи которой мы перешли къ нему самому отъ x , или, другими словами, надъ x и надъ результатомъ первой операціи дважды повторить процессъ возвышенія въ квадратъ: ите-

¹⁾ По недостатку типографскихъ средствъ индексы при буквахъ всюду поставлены въ строчку.

рація даетъ то, что дѣлаетъ сравнимыми y_3 и y_4 ; ничего существенно-новаго не требуется.

Отъ одной функціи можно перейти къ другой посредствомъ операціи, аналогичной основной функціональной операціи, т. е. придется повторить то, что разъ уже сдѣлано, что извѣдано на опытѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ различными порядками безконечностей. Но оказывается, что такъ — далеко не всегда, и существуютъ функціи безусловно не сравнимыя такимъ образомъ. Другими словами, отношеніе функціональных значеній стремится къ безконечности съ возрастаніемъ x и, какія бы итераціи и дѣйствія имъ подобныя мы ни производили надъ функціей меньшаго типа возрастанія, функція большаго типа окажется для нея не достижимой, имѣющей безконечность не только другого порядка, но и другой породы, по терминологіи † Н. В. Бугаева ¹⁾.

Если мы возьмемъ, на примѣръ, показательную функцію $y_5 = a^x$, гдѣ a — нѣкоторое постоянное, и функцію степенную $y_3 = x^2$, то обѣ онѣ удовлетворяютъ указаннымъ ранѣе условіямъ т. к. обѣ безгранично возрастаютъ при стремленіи x къ ∞ ; отношеніе ихъ $\frac{y_5}{y_3} = \frac{a^x}{x^2}$, какъ доказывается въ дифференціальномъ исчисленіи, тоже стремится къ ∞ съ возрастаніемъ x , а изъ этого слѣдуетъ, что типъ возрастанія y_5 больше, чѣмъ типъ возрастанія y_3 . Но мало того. Въ дифференціальномъ исчисленіи доказывается, что сколько бы разъ мы ни примѣняли итеративный процессъ къ y_3 , т. е. какъ бы ни повышали порядокъ безконечности его, увеличивая показателя степени при x , мы никогда не уравниемъ типовъ этихъ функцій, никогда не сдѣлаемъ предѣлъ отношенія этихъ функцій конечнымъ; какъ бы ни было велико цѣлое число m въ выраженіи $y_6 = x^{2m}$, типъ возрастанія y_6 менѣе типа y_5 : они не сравнимы; y_5 и y_6 стремятся къ безконечностямъ разной породы ²⁾. Это — математическое выраженіе того, что народная

¹⁾ Слышалъ отъ покойнаго на его лекціяхъ-бесѣдахъ. Въ печати этотъ терминъ появляется, кажется, впервые.

²⁾ Можно видѣть и непосредственно, что порода a^x болѣе породы x^{2m} (или вообще x^m), какъ бы ни было велико m . Въ самомъ дѣлѣ: разлагая a^x по строку Маклорена, имѣемъ:

мудрость выразила рядомъ пословицъ въ родѣ: „и маленькая рыбка лучше большого таракана“, „малъ золотникъ, да золото вѣсять; великъ верблюдъ, да воду возять“ и т.п. ¹⁾).

Мы подошли къ наиболѣе важному понятію этой статьи,—къ понятію о такихъ типахъ возрастанія, которые безусловно трансцендентны для даннаго типа, лежатъ внѣ сравнимости съ нимъ, хотя бы сравниваемый типъ безпредѣльно повышалъ свой порядокъ. Чтобы лучше пояснить это понятіе, составимъ ряды изъ безконечнаго множества функций, все увеличивающихъ свой типъ безпредѣльно, если двигаться вдоль строкъ слѣва направо, но не могущихъ достигнуть малѣйшаго изъ типовъ ниже-лежащей строки. Получится таблица слѣдующая:

$2.x$	$3.x$	$4.x$	. . .	$n.x$	. . .	и т. д.
x^2	x^3	x^4	. . .	x^n	. . .	„
2^x	3^x	4^x	. . .	n^x	. . .	„
22^x	33^x	44^x	. . .	nn^x	. . .	„
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .

Тутъ, въ первой строкѣ, равно какъ и въ послѣдующихъ,—безконечное множество функций; безконечно также множество (Menge, multitudo, ensemble) строкъ. Однако, какъ типы каждой изъ строкъ, не смотря на свое возрастаніе, не достигаютъ наименьшаго изъ типовъ строки послѣдующей, такъ же точно и вся скала типовъ, строимая по объяснен-

$$a^x = 1 + \frac{la}{1}x + \frac{l^2a}{2!}x^2 + \frac{l^3a}{3!}x^3 + \frac{l^4a}{4!}x^4 + \dots + \frac{l^{2m}a}{2m!}x^{2m} + \dots + \frac{l^{2m+n}a}{(2m+n)!}x^{2m+n} + \dots \text{ и т. д.},$$

гдѣ la есть натуральный логарифмъ отъ a , а $l^2a, l^3a, \dots$ и т. д.—степени его. Отсюда слѣдуетъ, что написанный рядъ состоитъ изъ безконечнаго агрегата функций, подобныхъ y^x , но съ тою только разницею, что при степеняхъ x есть нѣкоторые коэффициенты, и что степени x идутъ все возрастающа. Поэтому, какъ бы ни было велико $2m$ —показатель степени итерированной m разъ функции степенной x^2 , всегда можно найти въ написанномъ агрегатѣ степеней такой членъ, у котораго показатель степени $(2m+n)$ больше, нежели $2m$. Отсюда слѣдуетъ, что, какъ бы ни былъ великъ порядокъ величины x^{2m} , всегда въ числѣ слагаемыхъ (элементовъ) a^x найдутся такіе, порядокъ которыхъ еще больше, т. е. типъ возрастанія a^x превосходитъ типъ всякой функции x^{2m} и, слѣдовательно, a^x является функцией съ безконечностью высшей породы, трансцендентной для безконечности функции x^2 .

¹⁾ Вл. Даль, „Пословицы русскаго народа“. Изд. третье. 1904, СПб и М. Т. 5, стр. 21—31.

ному принципу безпредѣльно далеко и не имѣющая наивысшаго типа, потому что послѣ каждого, сколь угодно далеко стоящаго типа, имѣется другой, еще болѣшій,—вся она не достигаетъ типовъ функцій, образованныхъ по инымъ законамъ. Нѣтъ наибольшей породы безконечности, и нѣтъ даже метода строительства, позволяющаго достаточно большимъ рядомъ шаговъ подойти ко всякому типу. — Это — приблизительная формулировка знаменитой теоремы Поля дю Буа Реймона, и намъ необходимо тщательно вникнуть въ ея смыслъ ¹⁾.

IV.

Пусть имѣются функціи $f(x)$ и $g(x)$ переменнаго x . Мы рассматриваемъ ихъ внутри извѣстной области измѣненія x , т. е. для всѣхъ значеній x , которыя заключены между числами a и b ; въ частности это могутъ быть 0 и ∞ . По мѣрѣ возрастанія x и приближенія его къ верхнему предѣлу b , функціи $f(x)$ и $g(x)$ стремятся къ безконечности. Тогда отношеніе $\frac{f(x)}{g(x)}$, съ возрастаніемъ x , можетъ вести себя различно.

1^о, Оно можетъ безпредѣльно убывать. Тогда мы скажемъ, что типъ возрастанія функціи f менѣе, чѣмъ типъ возрастанія функціи g , и символически напишемъ: $f < g$.

2^о, Оно можетъ безпредѣльно возрастать. Тогда имѣемъ случай обратный, и $f > g$.

3^о, Оно можетъ быть постояннымъ или мѣняться, всегда оставаясь конечнымъ. Тогда типы возрастанія, какъ говорить, равны, что символически обозначается: $f \sim g$.

¹⁾ Считаю неумѣстнымъ приводить здѣсь математическую литературу по данному вопросу, т. к. это заняло бы безъ нужды слишкомъ много мѣста. Указанія по ней можно найти у Шенфлисса въ *Encyclopädie der mathematischen Wissenschaften*, редактируемой Мейеромъ, Буркгардтомъ и др. (см. II A113, I A517 и др.). Особенно, см. *Mathemat. Annalen*, 8 (1875), p. 363 и 11 (1877), p. 149, гдѣ помѣщены статьи дю Буа Реймона. Суммарное изложеніе у Бореля (*Leçons sur la théorie des fonctions*, p.p. 111—122). Маленькая замѣтка на ту же тему помѣщена Борелемъ въ *Revue philosophique*, XL VIII, 1899, p.p. 383—390. A propos de l'„infini nouveau“. См. также E. Borel, *Leçons sur les séries à termes positifs*. Читатель, знакомый съ литературой предмета, замѣтитъ, что мы нѣсколько расширяемъ понятіе о типѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смыслъ дю-буа-реймоновской теоремы; въ то же время упрощается ходъ доказательства.

4⁰, Наконецъ, можетъ случиться, что отношеніе $\frac{f(x)}{g(x)}$ не стремится ни къ какому предѣлу, дѣлаясь, съ возрастаніемъ x , волнообразно то безконечностью, то убывая до нуля, и такъ для всякой области, выдѣленной около b .

Первые три случая, гдѣ типы возрастанія сравнимы, соотвѣтствуютъ выставленнымъ въ § III условіямъ; они намъ особенно важны т.к. можно расположить соотвѣтственныя функціи въ нѣкоторую скалу, привести въ систему, выстраивая „по величинѣ“ типа возрастанія, въ ранговомъ порядкѣ.

Примѣры такихъ строчекъ или скалъ мы имѣли выше. Мы строили ихъ итерацией опредѣленныхъ дѣйствій. Но легко доказывается, что всякая операція ψ , повышающая типъ возрастанія x при полученіи изъ него $\psi(x)$, можетъ, при помощи итераций, создать скалу типовъ. Поэтому такая скала, такая лѣстница типовъ въ общемъ видѣ можетъ быть представлена такъ:

$$\psi(x) \quad \psi[\psi(x)] \quad \psi'\psi[\psi(x)] \dots \text{ и т. д.}$$

или, проще:

$$\psi(x) \quad \psi\psi(x) \quad \psi\psi\psi(x) \dots \text{ и т. д.}$$

или, наконецъ, совсѣмъ сокращено:

$$\psi_1(x) \quad \psi_2(x) \quad \psi_3(x) \dots \text{ и т. д.}$$

У этихъ строчекъ нѣтъ послѣднихъ членовъ,—нѣтъ максимальнаго типа. Однако, легко построить и продолженіе ихъ въ обратную сторону, такъ что получатся строки, не имѣющія перваго, наименьшаго члена. Доказывается, именно, что если замѣнить операцію ψ ей обратной ¹⁾, ϕ , то, итеративно примѣняя ее къ x и къ послѣдовательно получаемымъ результатамъ, мы получимъ все меньшіе и меньшіе типы возрастанія. По отношенію къ функціи a^x , на примѣръ, обратной будетъ функція $\text{Lg}_a x$, т. е. логарифмическая. Итакъ, можно получить еще скалу типовъ такую:

$$\text{и т. д.} \dots \phi\phi\phi(x) \quad \phi\phi(x) \quad \phi(x)$$

или, сокращеннѣе,

$$\text{и т. д.} \dots \phi_3(x) \quad \phi_2(x) \quad \phi_1(x),$$

при чемъ каждый послѣдующій типъ болѣе предыдущаго.

Производя итерацию 1, 2, 3, 4, ..., n , ... и т. д. число разъ

¹⁾ На примѣръ: сложеніе—вычитаніемъ, умноженіе—дѣленіемъ, потенцированіе (возведеніе въ степень) — радицированіемъ (извлеченіемъ корня) и т. п.

сподрядъ, мы тѣмъ самымъ приписываемъ нумера построеннымъ функціямъ или, иначе, сосчитываемъ ихъ. Итеративно полученная группа функцій бесконечна (потому что нѣтъ послѣдняго числа, а потому нѣтъ и послѣдней, ему соотвѣтствовавшей бы функціи: послѣ всякой функціи можно построить хотя бы еще одну, типа высшаго). Но за сказанную возможность установить соотвѣтствіе нашего ряда съ рядомъ натуральныхъ чиселъ 1, 2, 3,... n ,... и т. д., наша скала получаетъ названіе счетовой (*abzählbar*, *dénombrable*).

Вообще, счетность (*Abzählbarkeit*) группы опредѣляется тѣмъ признакомъ, что возможно перенумеровать всѣ члены ея, такъ чтобы каждому соотвѣтствовало одно изъ чиселъ ряда: 1, 2, 3... и т. д. Итерация—не единственный способъ создавать счетовую скалу возрастающихъ типовъ; существуетъ еще сколько угодно иныхъ способовъ. Поэтому мы не станемъ, въ условіяхъ теоремы Поля дю Буа Реймона, опредѣлять, какъ именно получена группа восходящихъ типовъ, расположенныхъ, по прежнему, такъ, что каждый предыдущій имѣетъ послѣ себя болѣшій, непосредственно за нимъ слѣдующій, въ виду чего можно написать:

$$\varphi_1(x) < \varphi_2(x) < \varphi_3(x) < \dots < \varphi_n(x) < \dots \quad \text{и т. д.};$$

сокращенно— $[\varphi]$. Но мы только отмѣтимъ счетность этой группы. Это уже достигнуто тѣмъ, что типамъ приписаны нумера: чѣмъ болѣе номеръ, тѣмъ болѣе типъ.

Пусть же стремливістьъ къ бесконечности (если читатель разрѣшитъ такой оборотъ) у функціи связана съ номеромъ ея по какимъ угодно законамъ, такъ что лѣстница типовъ сама идетъ вверхъ какъ угодно быстро. Но, по какимъ бы законамъ мы ни строили этотъ бесконечный рядъ, какимъ бы принципомъ созданія его ни руководились, все равно *невозможно* построить его такъ, чтобы нѣкоторая, произвольно выбранная, возрастающая функція $\Psi(x)$ непремѣнно имѣла свой типъ менѣе, чѣмъ какой-либо изъ типовъ группы, нами построенной; другими словами, *невозможно* отыскать скалу типовъ восходящую такъ быстро, чтобы членъ достаточно далеко стоящій въ ней, непремѣнно перегналъ любой типъ Ψ ,—чтобы для всякаго Ψ имѣло мѣсто неравенство $\Psi(x) < \varphi_n(x)$ при достаточно великомъ n . Это и есть **теорема дю Буа Реймона** въ ея отрицательной формѣ. А въ положительной

она выражается такъ: если данъ какой угодно счетовой рядъ возрастающихъ функций, образующихъ скалу $[\varphi]$, то можно на самомъ дѣлѣ найти возрастающую функцію $\Psi(x)$ такую, что $\Psi(x) > \varphi_n(x)$, какъ бы ни было велико n .

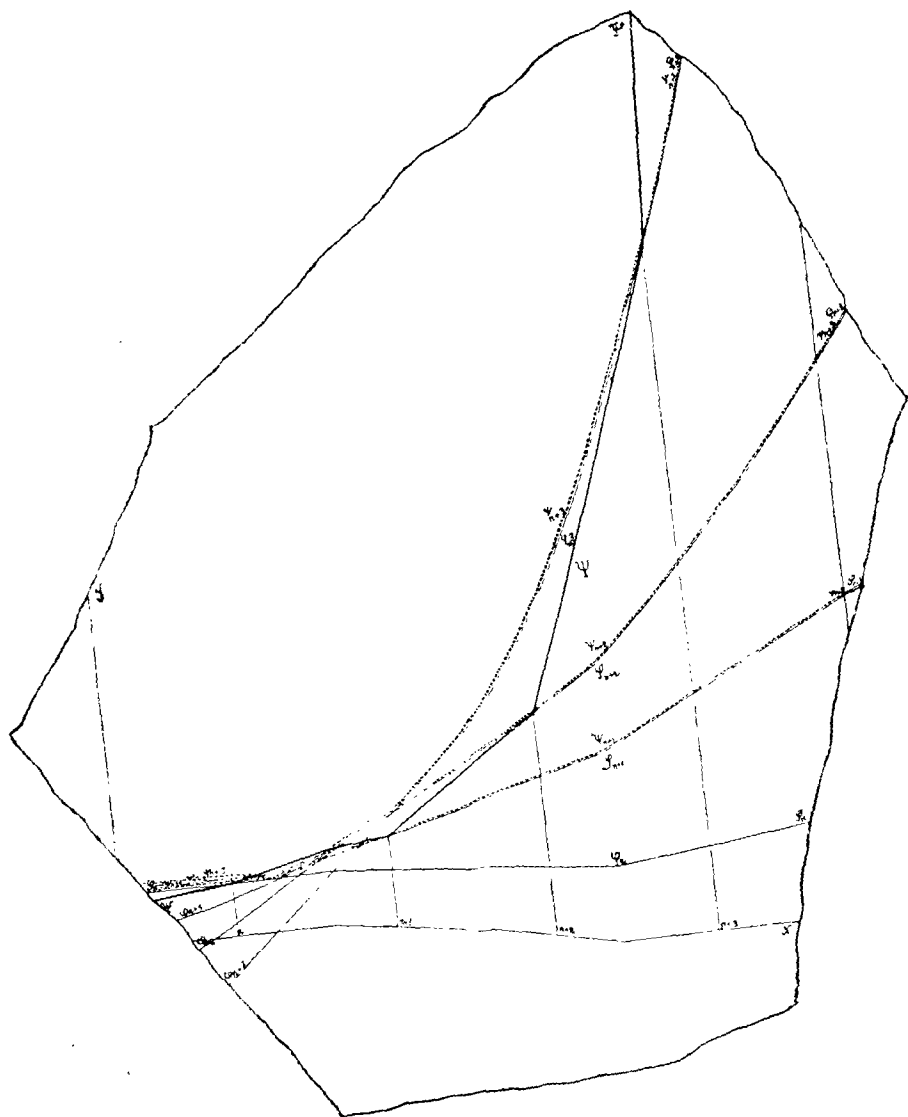
Мы видѣли, что нѣтъ и не можетъ быть наибольшаго типа возрастанія. Но этого мало: теорема д-ра Буа Реймона говоритъ, что нельзя дать даже общаго метода, слѣдующаго которому можно было бы подойти къ любому типу, хотя бы методъ давалъ возможность создавать все большіе и большіе типы, продолжать скалу далѣе и далѣе, и, при томъ, подымающуюся вверхъ произвольно быстро. Каковъ бы ни былъ типъ, всегда имѣется типъ болѣе большой его, т. е. развитіе трансцендентное по сравненіи съ даннымъ. Но, кромѣ того, каковъ бы ни былъ методъ стройки возрастающихъ типовъ, всегда найдутся типы трансцендентные даже для даннаго метода, хотя и позволяющаго отыскивать безчисленное множество типовъ, восходящихъ по скалѣ какъ угодно быстро.

Доказательство, данное д-ромъ Буа Реймономъ, идетъ *ab esse ad posse* ¹⁾. Онъ показываетъ, именно, что пользуясь самымъ рядомъ $[\varphi]$ руководствуясь его свойствами, мы можемъ на самомъ дѣлѣ построить функцію $\Psi(x)$, обладающую искомымъ свойствомъ быть по своему типу болѣе всякаго типа $\varphi_n(x)$, какъ бы ни было велико n . А т. к. мы исходимъ при этомъ построеніи ихъ свойствъ ряда $[\varphi]$, нами же установленнаго совершенно произвольно, то отсюда будетъ слѣдовать, что полученное построеніе возможно при всякомъ рядѣ, каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ теорема будетъ доказана. Мы не имѣемъ возможности развить здѣсь это доказательство, но на геометрической схемѣ пояснимъ, въ чемъ дѣло.

Откладывая, какъ это дѣлается на діаграммахъ, вдоль нѣкоторой линіи OX , начиная ²⁾ отъ точки O , то или другое знамененіе x (черт. 1), а на перпендикулярѣ къ OX , возстановленномъ изъ конца отложеннаго отрѣзка, соотвѣтствующее

¹⁾ Методъ, широко использованный въ современной основоположительной математикѣ, на примѣръ въ теоріи группъ, въ теоріи функций, въ теоріи чиселъ и т. д.

²⁾ По недостатку мѣста на черт. 1 изображенъ только кусокъ оси OX . Начало координатъ O не помѣстилось въ предѣлахъ чертежа, равно какъ и точки a и b .

Черт. 1

значеніе y , тѣмъ самымъ мы отмѣтимъ нѣкоторую точку, характеризующую своимъ положеніемъ на плоскости состояніе функціи y при данномъ значеніи x . Кривая, какъ геометрическое мѣсто такихъ точекъ, изображаетъ законъ, связующій x и y ,—функцію. Приѣмъ этотъ („методъ координатъ“) слишкомъ хорошо извѣстенъ изъ всевозможныхъ статистическихъ и метеорологическихъ діаграммъ, чтобы стоило на немъ останавливаться.

Безпредѣльное возрастаніе функціи представится въ видѣ безпредѣльнаго подъема кривой, а типъ возрастанія охарактеризуется стремительностью этого подъема по мѣрѣ приближенія къ быстринѣ b . Чѣмъ болѣе типъ, тѣмъ стремительнѣе подъемъ соотвѣтствующей кривой. Въ виду этого понятно, что если типъ φ_{n+1} болѣе типа φ_n , то это не значитъ еще, что самая функція $\varphi_{n+1}(x)$ для всякаго x сама болѣе функціи $\varphi_n(x)$; нѣтъ, она можетъ быть и меньше (тогда кривыя пересѣкаются), но послѣ извѣстнаго значенія x , достаточно близкаго къ b , функція $\varphi_{n+1}(x)$ будетъ болѣе. [Замѣтимъ однако, что этотъ пунктъ пересѣченія въ опытѣ можетъ не быть даннымъ. Можетъ, онъ наступилъ бы, если бы жизнь развивающихся личностей не была прервана, смертью на примѣрѣ, и, не смотря на это, все же типъ φ_{n+1} будетъ болѣе типа φ_n . Меньшій же по типу иногда всю жизнь мнимо торжествуетъ надъ бѣльшимъ по типу, но меньшимъ по фактически данному значенію]. А въ геометрической интерпретаціи это представится тѣмъ, что, послѣ извѣстнаго мѣста, кривая, имѣющая большую стремительность подъема (φ_{n+1}) окажется надъ кривой съ меньшей стремительностью (φ_n).

Итакъ, пусть у насъ построена система безконечнаго множества кривыхъ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n, \dots$ и т. д., подымающихся все стремительнѣе и стремительнѣе къ безконечности; на чертежѣ 1 представлены только четыре изъ нихъ: $\varphi_n, \varphi_{n+1}, \varphi_{n+2}, \varphi_{n+3}$. Задача наша—пояснить, что *можно*, на основаніи ихъ, построить новую кривую, вздымающуюся еще стремительнѣе, т. е. соотвѣтствующую функціи $\Psi(x)$ съ типомъ, не достижимымъ скалою $[\varphi]$. Другими словами, потребно указать, какъ построить такую линію Ψ , которая пересѣкла бы рано или поздно каждую изъ линій семейства $[\varphi]$, какъ бы ни былъ великъ ея номеръ, и подымалось бы при x достаточно близкомъ къ b надъ каждой кривой φ_n , сколь бы ни

было велико n . Возможность описаннаго построения надо доказать; это не трудно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Подмѣнимъ прежде всего функции $\varphi_1, \varphi_2, \varphi_3, \dots, \varphi_n, \dots$ и т. д. новымъ рядомъ функций, обладающимъ тѣмъ свойствомъ, что каждая предыдущая не только имѣетъ типъ меньшій, чѣмъ послѣдующая, но что и значенія ея никогда не болѣе значеній послѣдующей. Предположимъ, первыя n кривыхъ таковыми, что въ разсматриваемой области $a-b$ расположены другъ надъ другомъ, такъ что линіи $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n$ останутся безъ измѣненія; ради симметріи въ обозначеніяхъ мы назовемъ ихъ теперь черезъ $\psi_1, \psi_2, \dots, \psi_n$; на чертежѣ онѣ (кроме ψ_n) не представлены. Пусть первая линія, не удовлетворяющая этому условію— φ_{n+1} , и она, пересѣкшись въ нѣкоторой точкѣ съ φ_n , подходитъ подъ φ_n , когда x достаточно близко къ a . Построеніе наше начинаемъ съ нея. Съ этою цѣлью проводимъ линію ψ_{n+1} (на чертежѣ—пунктиръ), совпадающую съ φ_{n+1} вправо отъ точки пересѣченія ея съ φ_n , а влѣво отъ этой точки идущую надъ линіей φ_{n+1} и совпадающую съ наивысшей изъ всѣхъ предыдущихъ линій, т. е. съ φ_n . Построивъ ψ_{n+1} , мы приступаемъ къ стройкѣ слѣдующей, ψ_{n+2} . До точки пересѣченія φ_{n+2} съ линіей φ_{n+1} , она должна совпадать съ φ_{n+2} , затѣмъ располагаться по наивысшей изъ всѣхъ предыдущихъ кривыхъ, т. е. по φ_{n+1} , доходить до точки пересѣченія ея съ φ_n и далѣе идти по этой послѣдней.

Такимъ образомъ, возможность построения системы кривыхъ $\psi_1, \psi_2, \dots, \psi_n, \psi_{n+1}, \dots$ и т. д. не подлежитъ сомнѣнію. На чертежѣ онѣ отмѣчены пунктиромъ, и понятно, что лѣвые концы ихъ должны совпасть; чѣмъ болѣе нумера двухъ послѣдовательныхъ кривыхъ, тѣмъ на болѣемъ протяженіи совпадаютъ соотвѣтствующія кривыя.

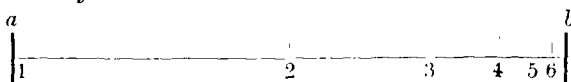
Поступая, какъ описано, съ каждой изъ линій семейства $[\varphi]$, мы получимъ новое семейство линій $\psi_1, \psi_2, \dots, \psi_n, \dots$ и т. д., для которыхъ типы идутъ въ порядкѣ, возрастающемъ съ ихъ номеромъ, такъ что

$$\psi_1 < \psi_2 < \dots < \psi_n < \psi_{n+1} < \psi_{n+2} < \dots \text{ и т. д.}$$

и равны соотвѣтствующимъ типамъ семейства $[\psi]$. Но только, вновь-проведенныя линіи уже не пересѣкаются другъ съ другомъ, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ частей, лежащихъ выше, чѣмъ кривая болѣе высокаго ранга. Иначе говоря, кривая высшаго ранга идетъ или надъ или вмѣстѣ со кривыми всѣхъ предыдущихъ ранговъ.

Если мы покажемъ теперь, что *можно* построить кривую Ψ , пересекающую рано или поздно каждую изъ линій семейства $\psi_1, \psi_2, \dots$ и т. д., такъ что она подымется рано или поздно надъ каждой изъ линій ψ_n , какъ бы ни былъ великъ ея номеръ, то этимъ будетъ доказано существованіе функции $\Psi(x)$, типъ возрастанія которой болѣе, чѣмъ типъ возрастанія $\psi_n(x)$, какъ бы ни былъ великъ ея номеръ n . Но если теорема доказана для функций $\psi_1(x), \psi_2(x), \dots$ и т. д., то тѣмъ болѣе она доказана для функций $\varphi_1(x), \varphi_2(x), \dots$ и т. д., такъ какъ типы возрастанія ихъ соответственно равны, а значенія каждой изъ функций $\varphi_1(x), \varphi_2(x), \dots$ и т. д. либо равны, либо менѣе соответственныхъ значеній функции $\psi_1(x), \psi_2(x), \dots$ и т. д. Поэтому Ψ , въ стремлности подъема опережающая рано или поздно каждую изъ функций $\psi_1(x), \psi_2(x), \dots$ и т. д., въ томъ же самомъ мѣстѣ опередить тѣмъ болѣе и функцию изъ основного ряда $[\varphi]$. Но разъ проведены кривыя $\psi_1, \psi_2, \dots$ и т. д., то уже легко построить иско-мое геометрическое Ψ .

Съ этой цѣлью возьмемъ на прямой OX бесконечный рядъ точекъ, накаплиющихся (*sich häufen*) около верхняго предѣла b , т. е. все ближе и ближе подходящихъ къ нему, но однако никогда его не достигающихъ, такъ что b является точкою накопленія (*Häufungspunkt*) взятаго ряда. Такую группу можно получить, на примѣръ, если станемъ дѣлить пополамъ отрѣзокъ $a-b$, потомъ раздѣлимъ пополамъ правую половину его и т. д., каждый разъ обращаясь къ наименьшей изъ частей, лежащей правѣе всего. Ясно, что сколько бы мы ни дѣлили такъ $a-b$, мы никогда не исчерпаемъ его, никогда не получимъ нуля въ результатѣ какого-нибудь дѣленія, а потому и не придемъ никогда къ точкѣ b , хотя разстояніе до b будетъ дѣлаться меньше сколь угодно малой величины.

Черт. 2.

Занумеруемъ затѣмъ систему точекъ дѣленія, начиная отъ a , въ послѣдовательномъ порядкѣ числами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... $n, \dots$ и т. д. Нужная намъ группа получена (см. черт. 2).— Въ случаѣ же, если точка b лежитъ въ бесконечности, то мы возьмемъ точки 1, 2, 3, ... $n, \dots$ и т. д. на произвольныхъ конечныхъ разстояніяхъ, хотя бы на равныхъ между со-

бою; такъ именно сдѣлано на черт. 1 ради простоты и изящества построения.

Въ каждой изъ точекъ сказанной группы возставимъ перпендикуляръ къ ОХ до пересѣченія съ тою кривою семейства $\psi_1, \psi_2, \dots \psi_n, \dots$ и т. д., которая имѣетъ нумеръ, соответственный съ нумеромъ точки, такъ что перпендикуляръ въ 1-ой точкѣ пересѣчется съ ψ_1 , во 2-ой—съ ψ_2 и т. д.; и вообще, перпендикуляръ въ n -ой точкѣ пересѣчется съ ψ_n , въ $(n+1)$ -ой—съ ψ_{n+1} и т. д. Принимая далѣе начерченныя прямыя за ординаты, соединимъ концы ихъ ломанной линіей. Это и будетъ искомое геометрическое мѣсто Ψ . Изъ чертежа 1 видно, что вправо отъ n -ой изъ проведенныхъ ординатъ все оно, Ψ , цѣликомъ лежитъ надъ n -ой кривою ψ_n и, тѣмъ болѣе, надъ φ_n , ибо переходитъ отъ точки, лежащей на этой кривой или надъ нею, къ точкѣ, завѣдомо находящейся надъ этой кривою,—къ точкѣ кривой ψ_{n+1} .

Разъ такъ, то послѣ всякаго x , достаточно близкаго къ b , именно послѣ x , опредѣляемаго n -ой точкой, ломанная Ψ подымается вверхъ круче, чѣмъ всякая кривая семейства $[\varphi]$, до n -ой включительно, и это—такъ, какъ бы ни былъ великъ нумеръ кривой φ_n . Поэтому ясно, что ни про какую функцію $\varphi_n(x)$ нельзя сказать, что типъ ея равенъ типу функціи $\Psi(x)$, изображаемой посредствомъ геометрическаго мѣста Ψ , какъ бы ни было велико n , т. е.

$$\Psi(x) > \varphi_n(x)$$

при всякомъ n . Это и требовалось доказать.

Подобнымъ же образомъ можно доказать, что какую бы мы ни дали счетовую группу типовъ возрастанія, расположенную такъ, что каждый послѣдующій типъ менѣе предыдущаго,—всегда найдется типъ меньшій всѣхъ ихъ. Аналогичныя теоремы можно доказать и относительно типовъ убыванія функцій, когда функція стремится, на примѣръ, къ нулю. И тутъ тоже невозможно представить себѣ счетовой группы ихъ, позволяющей превзойти всякій типъ убыванія. Но послѣ сказаннаго читатель и самостоятельно можетъ убѣдиться въ правильности послѣднихъ утвержденій.

V¹⁾.

Безконечное возрастаніе имѣетъ свой типъ, т. е. функція стремится къ безконечности по своему, особенно, не такъ,

1) Читатель, конечно, замѣтитъ и поставить на видъ странное, какъ

какъ другая, взятая съ маху. Правда, имѣются безконечно-многія функціи такого же типа, но группа функцій иного типа безконечно мощнѣе, чѣмъ группа—такого же типа. Вѣроятность вытащить изъ группы всѣхъ функцій равно-типную—безконечно мала: функціи, вообще говоря, различны по типу; у каждой—свой обликъ.

Но типъ возрастанія—это „стремливость“ развитія, характеристика стремительности, съ которой раскрывается потенція, или еще—мѣра „всходчивости“ мѣра „растучести“ развивающагося. Она даетъ намъ зафиксированную оцѣнку закона, по которому развитіе идетъ далѣе и далѣе, не довольствуясь ни однимъ конечнымъ опредѣленіемъ, отпихивая позади себя пройденныя лѣстницы.

Въ этомъ смыслѣ, понятіе о типѣ есть по преимуществу религіозное понятіе, а теорема д-ра Буа Реймона—по преимуществу религіозная теорема: ни въ одной области неуемное томленіе по сверх-данному, безудержное стремленіе къ сверх-фактическому—„алчба и жажда правды“, переростающія, а затѣмъ и преобладающія всякую условность, не залегаютъ такъ глубоко,—въ самомъ ядрѣ,—какъ въ области бого-общенія, при посулахъ Абсолютнаго, въ бого-вѣ-

будто, ущущеніе: въ статьѣ говорится о духовномъ развитіи, о святости, о совершенствованіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто нарочно замалчивается та область, гдѣ эти понятія играютъ первенствующую роль,—Библия и свято-отеческія писанія. Объяснимся. Двѣ причины не позволили воспользоваться тутъ этимъ матеріаломъ, разстилающимся предъ работникомъ мысли какъ дѣлина, не познавшая еще плуга отвлеченной обработки. Во-первыхъ, этотъ матеріалъ слишкомъ обширенъ, чтобы его вмѣстили размѣры статьи, и слишкомъ дѣненъ, чтобы можно было небрежно вырвать изъ него двѣ-три данныя. Во-вторыхъ и главнымъ образомъ, въ указанныхъ источникахъ типы возрастанія рассматриваются динамически, въ возникновеніи ихъ, и разсмотрѣніе ихъ связывается съ ниспосылаемой благодатью; мы же, въ настоящей статьѣ, имѣемъ дѣло со статикой типовъ, съ данными въ наличной дѣйствительности неравенствами типовъ и рассматриваемъ самыя типы и ихъ неравенства, но не причину того и другого. Отсюда дѣлается понятнымъ, что библейскія и святоотеческія свидѣтельства наиболѣе умѣстно будетъ разобрать при изученіи динамики разбираемыхъ нами типовъ, т.е. въ статьѣ „О возрастаніи типовъ“.

Кромѣ того, Библия и святыя отцы большею частью предполагали готовыя религіозныя идеи, догматически идя отъ Бога къ человѣку. Цѣль же нашихъ статей—пропедевтическая, и потому ходъ мысли критическій—отъ человѣка къ Богу. Это еще разъ показываетъ, что сейчасъ было бы неудобно пользоваться названными свидѣтельствами.

щихъ трепетахъ и полночныхъ вздрагиваніяхъ души, обнаженной передъ Вѣчностью. Прорывшись достаточно глубоко въ напластованія души и дойдя до водоноснаго ея слоя, всѣ другія русла къ безконечности рано или поздно сливаются съ этимъ основнымъ, превращаясь въ еесософію и въ ѳеургію, или же, при противленіи Абсолютному, въ оккультизмъ и въ магію. То или другое, но непременно что-нибудь. При безконечности стремленій надо считаться положительно или отрицательно со стремленіемъ Безконечнаго, иначе—восторженность полета, рвущая изъ груди крикъ мятежнаго восторга, неумолимо смѣняется тупымъ, усталымъ бормотаніемъ: „довольно, довольно“, а жажда высей—тяжелыми позывами все-брезгливости.

Но мы отклонились отъ прямой задачи.—Этотъ по преимуществу религіозный характеръ разсмотрѣнной теоремы дѣлаетъ типъ, быть можетъ, самую личною изъ всѣхъ логическихъ характеристикъ личности,—всецѣло не исчерпываемой, понятное дѣло, никакими признаками; но изъ всѣхъ ихъ наиболѣе глубиннымъ представляется этотъ.

Характеръ подъема, стремительность воспаренія вовсе не даетъ еще понятія о достигнутой высотѣ; равно-стремливыя функціи, т. е. имѣющія одинаковые типы, могутъ весьма разниться по величинѣ, одна—можетъ на много упредить другую. Но, чѣмъ далѣе идетъ развитіе, чѣмъ выше восходятъ кривыя, тѣмъ болѣе уничтожается это упрежденіе въ конечномъ, тѣмъ безповоротнѣе меркнетъ это конечное преимущество предъ отблескомъ безконечной цѣли, свѣтящей дорожку имъ обѣимъ одинаково. И, въ предѣлѣ, эта разница перестаетъ быть разницей. Работники, обрядившіеся рано по утру, какъ и позванные въ шестой, девятый и одиннадцатый часъ, получаютъ по-равну, когда приходитъ вечеръ. Напрасно ропщутъ тѣ, которые пришли ранѣе: всѣ они получили справедливо, такъ какъ всѣ устремлялись къ Идеалу по одному закону, имѣли одинаковый характеръ работы, одинаковый типъ, какъ одинаковый типъ имѣютъ какія-нибудь функціи:

$$y_1 = x^2, y_2 = x^2 + 10, y_3 = x^2 + 10^{10}, y_4 = x^2 + 10^{10^{10}}$$

хотя, для каждаго даннаго x , значенія ихъ весьма различны. Вѣдь не за „сдѣланное“, не за конечный резуль-

татъ дѣятельности получаютъ работники безконечную плату—полноту бытія, а за порываніе въ высь, за жажду безконечнаго; она же одинакова у всѣхъ ихъ.

Но—болѣе того. Если типы у возрастающихъ не равны, то у имѣющаго болѣшій типъ можетъ быть въ данный моментъ полное ничтожество въ проявленіи предъ носителемъ нисшаго типа, дѣтское обнаруженіе своихъ потенцій. Но пусть оба подойдутъ къ своимъ быстринамъ. Духъ, болѣе восходчивый по своей природѣ, расправитъ крылья, и далеко внизу останется ползущій по тропинкѣ.

Можетъ быть, измѣненіе типа (паденіе личности) ¹⁾ или смерть прерветъ его развитіе задолго до того, какъ онъ сравняется съ другимъ, въ проявленіи превзошедшимъ, въ типѣ превосходимымъ имъ. Можетъ быть, кривая судьбы его оборвется до пересѣченія съ кривою другого. Можетъ, подвигу,—орбитѣ его,—не суждено дойти до крутизны. Можетъ быть, всю жизнь будетъ величаться надъ нимъ съ надменной высоты личность нисшаго типа. Однако внутренній нервъ всей дѣятельности, жаръ духовнаго горѣнія у него качественно болѣе цѣненъ, чѣмъ у другого: идеалы и законы стремленія къ идеаламъ различны ²⁾.

Чаще же всего случается, что личности разныхъ типовъ приблизительно равны по достигнутой ими высотѣ. „Дѣянія“ видитъ и охотно признаетъ почти всякій, потому что этотъ

¹⁾ Это предположеніе чисто-формальное, для поясненія мысли; реально же смысла *пока* мы не можемъ видѣть въ немъ.

²⁾ Пояснимъ это *аналогіей* біологическаго развитія. „Роды“ и „виды“ въ біологіи нѣсколько напоминаютъ породы и порядки безконечностей въ математикѣ. Особи разныхъ „родовъ“ или разныхъ „видовъ“ въ своемъ онтогенезѣ (развитіе особи) повторяютъ фазы филогенезиса (развитіе рода) и потому до извѣстнаго момента своей утробной жизни оказываются неразличными; пути ихъ развитія до поры до времени идутъ вмѣстѣ. Только въслѣдствіи они расходятся между собою все болѣе и болѣе, устремляясь въ совершенно различнымъ цѣлямъ, *подобно* кривымъ $\psi_1, \psi_2, \psi_3, \dots, \psi_n, \dots$ т.д. (§ III), при чемъ одни пути идутъ совмѣстно на болѣе долгомъ протяженіи, другіе—на менѣе долгомъ.

Но мало того; въ то время какъ мѣсячный котенокъ живетъ уже болѣе или менѣе самостоятельною жизнью, параллельно ему развивавшійся ребенокъ все еще остается не родившимся кускомъ мяса. А когда ребенокъ родился и безпомощно и безмысленно копошится въ пеленкахъ, котенокъ готовъ уже превратится въ кошку. Но проходить годы, и выросшій ребенокъ превращается въ организмъ, неизмѣримо превосходящій кошку.

„гардеробъ старыхъ одеждъ“, какъ выражался Гейне, понятенъ и безъ смиренія. Но трудно, очень трудно для человѣческой гордости признать высоту типа въ другомъ человѣкѣ и особенно, если за послѣднимъ не числится ни плаща, ни эффектныхъ моментовъ жизни, — дѣла наживного и потому всегда достижимаго, по крайней мѣрѣ въ отвлеченной возможности, для каждаго и, слѣдовательно, не столь колющаго самолюбіе.

„Говорится, — замѣтилъ Карлейль —, что никто не можетъ быть героемъ передъ своимъ слугою, — и это справедливо. Но вина въ этомъ дѣлѣ заключается столько же въ слугѣ, сколько и въ героѣ, потому что для простыхъ глазъ, какъ извѣстно, многія вещи имѣютъ только тогда значеніе, когда они не отдалены. Людямъ чрезвычайно трудно убѣдиться, что человѣкъ, простой человѣкъ, бывшійся въ потѣ лица своего о бока съ ними изъ за жалкаго существованія, созданъ изъ лучшаго матеріала, чѣмъ они“ ¹⁾.

Было бы неумѣстно разбирать здѣсь гносеологическій вопросъ о познаніи личности. Но беря (покуда) таковое, какъ фактъ, мы можемъ сказать: въ каждомъ конечномъ проявленіи личности отражается какъ-то еще и законъ, типъ роста, поэтому самое проявленіе дѣлается символомъ, осязаемая трепетными вспыхиваніями идеала. Эти-то мерцанія и производятъ соотвѣтственныя качественныя разницы въ дѣйствіяхъ-символахъ, заставляя одинаковое высвѣчивать по разному. Уже въ искусствѣ, гдѣ замыселъ неотдѣлимъ отъ формы, и потому совершенство выполненія значитъ очень много, различіе типовъ развитія бросается въ глаза. Неопытная рука ребенка - Моцарта ²⁾ даетъ понять, что передъ нами первыя ступени возрастанія, происходящаго по типу высшему, чѣмъ музыкальное развитіе какого-нибудь, по своему ушедшаго далеко, Сальери, не говоря уже о таперѣ. Въ области же нравственной дѣятельности, гдѣ значеніе результата минимально, это еще очевиднѣе: чуть замѣтное дуновеніе „милости“ безконечно цѣннѣе величайшей „жертвы“: движеніе любви, отъ полноты внутренняго содержанія, каче-

¹⁾ Историческіе и критическіе опыты Томаса Карлейля. Пер. съ англ. М. 1878: стр. 348. Изъ статьи. „Робертъ Борнсъ“.

²⁾ Случай послѣ посѣщенія папской капеллы. [См. Карпентера „Физиологія ума“].

ственно выше справедливости,—движенія отъ недостаточности. и „лепта вдовицы“ порою приобрѣтаетъ значеніе большее, чѣмъ несомнѣнное „благодѣяніе всему человѣческому роду“.

Но тамъ, гдѣ проявленія сами по себѣ не обозначаютъ ничего, тамъ гдѣ начинается мистическое единеніе съ личностью, гдѣ неуловимые для стороннихъ полу-тоны выраженій и невольныя движенія тѣла съ оцезрительностью отражаютъ тончайшія внутреннія волненія личности, гдѣ личность обнажается ото всего явленнаго, — тамъ мы сталкиваемся порою съ такими пропастями въ типахъ, что съ превозмогающею яркостью побѣдно рвется наружу различіе породъ: уже не о порядкахъ безконечностей, а о породахъ ихъ приходится задуматься ослѣпленному отъ потоковъ свѣтозарности сознанію. Не объ этомъ ли говорилъ поэтъ:

Есть рѣчи—значенье
темно иль ничтожно,
но имъ безъ волненія
внимать невозможно...
...
ихъ многіе слышать,
одинъ понимаетъ..
Лишь сердца роднова
коснутся въ дни мѹки
волшебнаго слова
цѣлебные звуки,
душа ихъ съ моленіемъ
какъ Ангела встрѣтитъ,
и долгимъ бѣненіемъ
имъ сердце отвѣтитъ.

Если личности одной породы, то между ними возможны еще сопоставленія, хотя бы типы ихъ были различны, хотя бы онѣ грезили о безконечностяхъ разныхъ порядковъ. Правда, одна безконечность превосходитъ другую „въ безконечное число разъ“, т. е. такъ, что разница между ними сама дѣлается безконечною въ предѣлѣ. Но каждая изъ этихъ личностей разумѣетъ, какіе конечные процессы (итерация, на примѣръ) необходимы были бы для уравниванія ихъ типовъ. Мало того, каждый можетъ представить безконечный рядъ все болѣе и болѣе высокихъ типовъ, и всѣ они не разнятся отъ его собственнаго типа настолько глубоко, чтобы нельзя было мысленно подойти къ нему. Но въ какія бы выси ни велъ данную личность ея подвигъ, какъ бы

далеко ни заходила она по своей траекторіи, какъ бы ни грезилъ о новыхъ путяхъ развитія, все болѣе высокихъ типовъ, — при столкновеніи съ личностью иной породы она ясно видитъ, что не въ ея власти стремиться къ безконечности этой породы, — не только въ дѣйствительности, но и въ мечтѣ. Фантазія безусловно отказывается представить личности, какъ бы она выглядѣла, стремясь къ безконечности иной породы. И однако, живое воплощеніе такого невообразимаго и неизреченнаго для нея типа совершенствованія она видитъ и осязаетъ въ близкомъ себѣ, въ живущемъ съ нею, — въ братѣ, превосходство котораго она ясно чувствуетъ, совершенно не умѣя разсудочно понять.

Напрасно появилась бы въ движеніи ея уторопленность. Напрасна нервическая напряженность и вскидыванія, напрасно метаніе и само-мучительство, напрасно надсаживаніе и надмоганіе себя,

Напрасно духъ о сводѣ желѣзный
стучится крыльями скользя, —
онъ все одинъ, надъ той же бездной,
упасть въ сосѣдную нельзя... (В. Брюсовъ).

Желѣзные рельсы проложены несокрушимо, и не сойдти личности своими усиліями на новую орбиту: личность можетъ только замедлять или ускорять движеніе на ней, торокомъ пронестись по полотну своему или застыть въ штильной сонливости. И, озираясь на лучезарный блескъ брата, завидѣвъ рядомъ съ собою потенцію безконечности другой породы, — друга, который идетъ „съ ясной улыбкой на милыхъ устахъ“ (А. Бѣлый), — спокойно, ровно, неизмѣнно переходя „отъ мѣры въ мѣру“, она сознаетъ, какъ пораженная молніей, скудость свою и богатство другого. И, будто споря съ собою, будто все еще не вѣря себѣ, сотни разъ она повтѣряетъ фетовское „невозможно, несомнѣнно“, пока ни убѣдится окончательно. Тогда тотъ, кто

въ упорной думѣ сердцемъ бѣденъ (А. Блокъ),

съ протестомъ или со смиреніемъ сознаетъ, что надрывомъ не возьмешь, и вспомнятся ему слова: „кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть“. Не то, чтобы усовершеніе не было въ его власти. Тутъ онъ свободенъ. Но перейти собственными усиліями къ иному закону усовершенія, стремиться къ безконечности высшей

породы—это такъ же невозможно для него, какъ невозможно для него изъ суммы нулей составить конечную величину, какъ невозможно изъ какихъ угодно грудъ сухого песку выжать холодную каплю влаги. Въ лучшемъ случаѣ получится то, что Фр. Ницше называлъ „обезьяною идеала“ ¹⁾. Свобода—въ движеніи по траекторіи, но не въ созданіи произвольной новой, — въ предоставляющемся въ извѣстные моменты выборѣ одной изъ данныхъ траекторій, но не въ произвольной смѣнѣ ихъ ²⁾.

Но не будучи въ состояніи даже понять высшую породу въ другомъ, онъ всѣмъ сердцемъ чувствуетъ ее, воспринимая, какъ святость. Доброта и великодушіе, отрѣшенность отъ себялюбія и безкорыстіе, величіе духа и скромность, глубокий умъ и творчество, подвиги и мученичество, какъ бы все это ни было велико, но его не достаточно еще для созданія высшей породы. Никакою, сколь угодно высокою степенью совершенства, добродѣтели, высоты духа и т. п. святость, хотя бы самая минимальная, не достигается: она трансцендентна для всего только-человѣческаго, и мы безусловно не въ состояніи даже мысленно построить образъ того, которой святъ въ сравненіи съ нами. Мы можемъ только переживать святость, относясь къ ней, какъ къ факту, воспринимать ее, открываясь на встрѣчу ея воздѣйствію; мы можемъ склонять колѣни предъ нею, въ несказанной радости плакать и благоговѣть предъ нею, или же, наоборотъ противиться ей. Но мы не въ силахъ анализомъ ухватить ее суть, не въ состояніи изъ себя вообразить ее:—послѣднее осо-

¹⁾ „Слова разочарованнаго.—Я искалъ великихъ людей и всегда находилъ только обезьянъ ихъ идеала“ (Ницше, Помраченіе кумировъ, Афоризмы и стрѣлы, 39).

²⁾ До сихъ поръ, въ разсужденіяхъ объ изслѣдуемой функціи, мы отвлекались отъ наличности въ ней „произвольнаго параметра“, волевого напряженія—точнѣе, предполагали его опредѣлившимся и постояннымъ, достигшимъ своего максимума. Принимая во вниманіе и его, мы должны сказать, что измѣненіе волевого параметра деформируетъ траекторію, какъ бы заставляя время сжиматься или растягиваться, течь быстрѣе или медленнѣе. Но, какъ ни мѣняйся параметръ, типы возрастанія соответствующаго семейства всегда имѣютъ типы трансцендентные для себя. Это видно изъ доказанной теоремы (хотя группа линій семейства имѣть мощность большую, чѣмъ счетовая), т. к. волевое усиленіе измѣняетъ типъ всегда въ одномъ смыслѣ.

бенно ясно сказывается на неуспѣхѣ въ созданіи творческою фантазіей „идеальныхъ типовъ“. Поэтъ долженъ былъ бы оперировать съ тѣмъ, что для него трансцендентно, или же испытать въ реальномъ переживаніи изображаемое имъ.

Но тамъ и тутъ въ потокѣ исторіи сверкнетъ порою образъ высшаго тина. Я сейчасъ не хочу говорить ни о пророкахъ, ни о „Величайшемъ между рожденныхъ женами“, ни, тѣмъ болѣе, о „Честнѣйшей херувимъ и слѣвнѣйшей безъ сравненія серафимъ“. Все это, по своей серіозности, требуетъ особаго разсмотрѣнія, какъ особаго разсмотрѣнія требуетъ и Представитель абсолютнаго типа, Воплощеніе Абсолютной Безконечности—Господь Іисусъ. Образы Франциска Ассизскаго, Серафима Саровскаго или Амвросія Оптинскаго, думаю, достаточно намекаютъ, что такое человѣкъ высшаго типа, что такое „Ангель во плоти“. А болѣе конкретно—хорошо передаетъ свои впечатлѣнія отъ Оптинскаго Старца (прототипа, для старца Зосимы изъ „Брат. Карамазовыхъ“) одна особа.

„Объ о. Амвросіи,—пишетъ она,—я ничего прежде не знала, и только наканунѣ встрѣчи съ нимъ слышала, что въ Скиту есть Іеромонахъ о. Амвросій, который часто боленъ и рѣдко выходитъ изъ Скита и который очень ученый. Больше ничего не знала и понятія о монастырской жизни, полученныя въ міру, были самыя неясныя. Итакъ, мое впечатлѣніе ничѣмъ не было подготовлено.—Я увидѣла его подлѣ Скита въ старой старенькой накидкѣ, съ палочкой въ рукахъ. Онъ шелъ легко и имѣлъ видъ совсѣмъ не такой, какъ другіе монахи,—онъ шелъ, казалось мнѣ, не касаясь земли.—Я была сзади его; но онъ вдругъ обратился въ нашу сторону и благословилъ меня. Впечатлѣніе моего сердца было такое, что это должно быть духъ Ангела во плоти. Я не одного слова ему не сказала.

„Все, что до сихъ поръ напечатано было объ о. Амвросіи, меня совсѣмъ не удовлетворяетъ; впрочемъ, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворитъ, хотя бы потому, что теперь еще очень многого нельзя о немъ писать... Что вы скажете, или какъ выразите чувства того, кто лично пришелъ къ Старцу съ негодующимъ помысломъ на него самого, въ мучительномъ раздумьѣ, какъ бы препобѣдить себя, чтобы высказать ему этотъ самый помысль свой? Что вы скажете, если ста-

¹⁾ См. „Историческое описаніе Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. Вновь составленное Е[растомъ] В[ыторскимъ] изданіе Оптиной Пустыни. Серг. Лавра 1902, Стр. 119.

репъ самъ избавилъ отъ этого непріятнаго чувства—пересказа такого помысла; встрѣтивъ меня, онъ улыбнулся и положилъ свою руку себѣ на голову, изображая кающагося человѣка! Такія таинственныя душевныя движенія, эту жизнь душъ никакъ не возможно положить на бумагу“.

Подобныхъ рассказовъ объ о. Амвросіи, какъ и о преп. Серафимѣ—множество. На удачу выбираю одинъ изъ нихъ,—рассказъ о. Іоасафа¹⁾, попросившаго святого рассказать ему о своемъ видѣніи небесныхъ обитателей. О. Серафимъ сталъ готовить своего ученика, нѣсколько разъ повторилъ: „радость моя! молю тебя, стяжи мирный духъ!“, „и въ слѣдъ за этимъ,—пишетъ самовидецъ,—въ неизобразимой радости, съ усиленіемъ голоса сказалъ: „вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ“; и потомъ, понизя свой голосъ, продолжалъ: „я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: *въ дому отца моего Обители мнози суть* (т. е. для тѣхъ, которые служатъ Ему, и прославляютъ Его святое Имя). На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогіи, остановился, и возжелалъ видѣть оныя Обители, и молилъ Господа моего Іисуса Христа, чтобы онъ показалъ мнѣ эти Обители; и Господь не лишилъ меня, убогаго, Своей милости; Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе: я былъ восхищенъ. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушалъ, сказать тебѣ не возможно“.

„И съ этими словами отецъ Серафимъ замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ, голова его съ закрытыми взорами поникла долу. Лице его постепенно измѣнялось, просвѣщалось, на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что по истинѣ можно было назвать его въ это время земнымъ Ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственного своего молчанія, онъ какъ будто созерцалъ что-то съ умиленіемъ, и слушалъ что-то съ изумленіемъ. Но чѣмъ именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знаетъ одинъ Господь.

„Я же, недостойный, сподобясь видѣть отца Серафима въ такомъ благодатномъ состояніи, и самъ совершенно забылъ бранный составъ свой въ эти блаженныя минуты. Душа моя отъ одного созерцанія таинственного молчанія праведника, и отъ чуднаго свѣта, исходявшаго отъ лица его, а равно и отъ всей благоговѣйной непрерываемой тишины, была въ такой радости и восторгѣ, какихъ я не ощущалъ въ продолженіе всей своей жизни.

„Праведникъ Божій, по немощи человѣческаго языка, не могъ словами объяснить дивнаго видѣнія своего: за то пока-

¹⁾ Жизнеописаніе Іеромонаха Серафима, написанное Іером. Іоасафомъ (не знаю точнаго заглавія, т. к. первый листъ выдрянъ), изд. 2-ое, стр. 66—67. Особенно интересно тѣмъ, что рассказы живые и не подвергнуты обычной житійной дестилляціи.

заль мнѣ его чуднымъ свѣтомъ своего лица и тайственнымъ своимъ молчаніемъ.———“.

Повторяю, что привелъ эти два разсказа на удачу. И въ нихъ, какъ и во множествѣ другихъ сообщеній, унисонно звучить выраженіе „Ангель во плоти“. И такъ же унисонно что-то поеть во всѣхъ подобныхъ повѣстяхъ о непосредственномъ, принудительномъ, такъ сказать, сознаніи, что разсказчикъ столкнулся съ чѣмъ-то качественно новымъ.

„О. Амвросій (Оптинскій),—говоритъ, какъ разъ по поводу приведеннаго нами разсказа В. В. Розановъ ¹⁾,—принадлежалъ къ тому порядку людей, которыхъ мы назвали бы „озаренными“. Представьте на верху горы людей: раннимъ утромъ свѣтло уже и въ долинѣ, по сѣро-свѣтло, безъ блеска. Все можно видѣть, все оцупать руками можно, не ошибешся. Но фигуры стоящихъ на горѣ свѣтятся не такимъ свѣтомъ, а совершенно особеннымъ, съ блескомъ и игрою. Онѣ „озарены“;—и вотъ если такое физическое озареніе переложить на психологическіе термины, то мы и получимъ опредѣленіе этихъ людей, „ноги которыхъ не касаются земли“, которые при первомъ на нихъ взглядѣ даютъ впечатлѣніе ангела во плоти и угадываютъ и знаютъ, во всякомъ случаѣ, больше обыкновеннаго. Есть горные люди, есть долинные люди. Констатировали же юристы и медики присутствіе въ чело-вѣчествѣ почти неподлежащаго и леченію „преступнаго типа“. Если есть долина—значитъ есть гора, гдѣ минусъ—тамъ возможенъ и плюсъ. Историкъ и психологъ можетъ договорить то, что недоговорено юристомъ и медикомъ. Разъ врожденно и неисправимо существуетъ „преступный типъ“, существуетъ столь же неодолимо при томъ постоянною составною единицею въ чело-вѣчествѣ „святой типъ“. Принадлежащіе къ нему праведность *не приобретаютъ, а имѣютъ*. И если врожденный „преступникъ“ имѣетъ печать своего „минуса“ на лицѣ, такъ что антропологи зарегистрировали ихъ въ серіяхъ фотографій, въ обширныхъ атласахъ, а при встрѣчѣ мы поражаемся неблагообразіемъ ихъ,—то совершенно слѣдуетъ допустить особенное и мгновенное впечатлѣніе, даваемое лицомъ „врожденнаго святого“ на зрителя, на встрѣчнаго. Въ разсказахъ о нихъ нѣтъ никакого преувеличенія———„Святой чело-вѣкъ“ есть совершенно обыкновенный, но съ плюсомъ у него этого „загробнаго сіянія“, „вѣчной жизни“. Отъ этого онъ производитъ впечатлѣніе ангела (въ противоположность преступнику)“.

Эта длинная тирада В. В. Розанова приведена не потому, чтобы авторъ соглашался съ теоретическими соображеніями

¹⁾ В. Розановъ. „Около стѣнъ церковныхъ“ 1906 г., Т. II, стр. 121—123 и слѣд. См. также въ „Нов. Вр.“

В. В.; но намъ важно свидѣтельство сторонняго человѣка, также констатирующаго между людьми какую-то качественную, существенную разницу. Но это—явленія чрезвычайныя. Однако человѣкъ высшаго типа не такъ исключителенъ, какъ кажется сперва.

Въ жизни иногда выпадетъ счастье соприкоснуться съ человѣкомъ высшаго типа, высшей породы. Для разсудка, можетъ быть, тамъ нѣтъ ничего особеннаго: способности не ослѣпительныя, хотя и выше средняго, умъ и воля сами по себѣ тоже не дали бы ему положенія совершенно исключительнаго. Ни особенной глубины мысли, ни особенной силы творчества или интенсивной дѣятельности не видишь въ немъ. Живетъ человѣкъ изо дня въ день, дѣлаетъ, какъ будто то же, что и всѣ, валандается въ обыденномъ. И однако, каждое обыденнѣйшее движеніе его сопровождается чѣмъ-то почти неуловимымъ и въ то же время осязательнымъ,— чѣмъ-то, что дѣлаетъ движеніе его качественно отличнымъ отъ движеній окружающихъ: невидимый оркестръ аккомпанируетъ чуть слышно каждому дѣйствію. Ъда и питье, бездѣлье и болтовня—даже это все какъ то одухотворено: Духомъ вѣетъ отъ него, отъ cadaго жеста, отъ cadaго слова, хотя онъ этого и самъ не знаетъ, и неизъяснимая свѣжесть приноситъ съ собою аромать „оттуда“, съ благоуханныхъ луговъ Эмпирей.

...слѣпымъ, а не зрящимъ,
 безсмертные въ славѣ чудесной себя отыскають:
 имъ миль простоты непорочныя дѣвственный образъ—
 и въ скромномъ сосудѣ небесное любить скрыватьсѣ.
 Презрѣньемъ надежду ничливай гордыни смиряють:
 свободныя силѣ и гласу мольбы не подвластны.

(Шиллеръ-Жуковскій).

Но послѣ встрѣчи остается неуловимое чувство, такъ быстро тающее, что самому не вѣрится въ только что пережитое:

точно случилось жемчужную нить
 подлѣ меня тебѣ врозь уронить:
 чудную пѣсню я слышалъ во снѣ,—
 нѣсколько словъ до яву мнѣ прожгло.
 Эти слова то нищу я опять
 всѣ, какъ звучали они, подобрать...

(Фетъ).

Съ перваго момента встрѣчи, этотъ аромать и свѣжесть, эта „голубинная красота“ (А. Блокъ) души чувствуется ясно;

но послѣ, при упорномъ желаніи понять ихъ, при выискиваніи „добродѣтелей“ и „совершенствъ“, обоеніе притупляется, сѣрая пелена застилаетъ поле зрѣнія; а далѣе, справедливо не видя особаго въ этомъ отношеніи, невольно начинаешь отрицать и наличность особаго вообще. Только возвращеніе къ прямому опыту и довѣрчивое отношеніе къ непосредственному переживанію вернуть, при такихъ обстоятельствахъ, величайшее изъ счастій—счастіе касаться міровъ иныхъ черезъ общеніе съ братомъ.

Пусть будетъ краскою краса—не завидуй, что прелесть ей съ
неба,
какъ лиліямъ пышность дана безъ заслуги Цитерой;
пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняяся—тебѣ наслажденье.
(Шиллеръ-Жуковскій).

Не ту же ли разницу типовъ отмѣчаетъ другой поэтъ въ этой исторіи:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
рощѣ покровителю Пану и свѣтлому Фебѣ.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
слушали, робко толпясь межъ сивлановъ и фавиовъ.
Кончили пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.
(Майковъ).

VI.

Чтобы не расплываться въ общихъ характеристикахъ, приведу ¹⁾ обрывокъ частнаго письма, конкретно изображающій

¹⁾ Съ разрѣшенія автора, г. И.—Могутъ возразить мнѣ, что данное письмо слишкомъ проникнуто явно-выраженнымъ личнымъ чувствомъ, чтобы придавать значеніе такому документу. Но, соглашаясь съ подобной характеристикой письма г. И., протестую противъ заключенія, и по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, за тономъ, повышеннымъ отъ лич-

интересующія насъ переживанія. Понятно, ихъ имѣется не одинъ видъ; но боязнѣ удлинить статью заставляетъ ограничиться только слѣдующимъ примѣромъ.

„.....ТЫ спрашиваешь объ Э.—Ничего не смогу написать толкомъ: вьется около меня „нечаянная радость“ моя, а какъ бы ее поймать?—Поймай!
это веселый, веселый май... (П. Форъ).

Я видѣлъ его въ слезахъ, когда носилось дыханіе смерти, —видѣлъ радостнымъ и игривымъ, какъ расшалившійся котенокъ; слышалъ его голосокъ тоненькій въ церкви, —слышалъ въ лѣсу, среди стволовъ, обтянутыхъ бѣлымъ атласомъ. Присматривался къ жизни самой обыденной; —разговаривалъ о самомъ важномъ для меня. Я присутствовалъ, наконецъ, при моментахъ сильнѣйшаго раздраженія и вспышкахъ неудержимаго гнѣва на несправедливость, такъ что разсмотрѣлъ Э. съ разныхъ сторонъ и вынесъ впечатлѣніе не расплывчатое. И всегда, серьезный или брызжущій *divina levitate*—божественнымъ легкомысліемъ, онъ оставался вѣренъ себѣ: всегда довѣрчивъ и чистъ, какъ голубь; всегда мудръ, какъ змѣя... Именно, чистъ и ясенъ, безъ малѣйшаго туска и безъ малѣйшаго пятнышка. Можетъ быть, самое подходящее тутъ слово—дѣвственность, дѣвственность не въ смыслѣ *παρθενεία* или *ἀγαμία* (безбрачіе), а въ смыслѣ *ἀγρεία* (безпорочность). Это—внутренняя свѣжесть всего существа, безхит-

наго чувства, скрывается вполне опредѣленный фактъ, что было что-то въ г. Э., что могло возбудить при разговорѣ о немъ повышенность тона, и съ этимъ „что-то“ надо считаться. „Но, можетъ быть,—скажутъ мнѣ, подобныя чувства способны возбудить и другія лица“. Не знаю; однако нѣтъ ничего страннаго, что и у нихъ имѣется свое „что-то“, мимо чего большинство проходитъ невнимательно. Можетъ быть, и каждый изъ нихъ „гадкій утенокъ“ изъ сказки Андерсена,—молодой, неоперившійся Лебедь, котораго видитъ въ „Утенкѣ“ только любящій взоръ. Но вернемся къ разбираемому случаю.

Во-вторыхъ, мнѣ извѣстны аналогичныя (хотя и не столь повышенныя по тону) свидѣтельства другихъ лицъ, и послѣднія представляютъ дѣло по существу такъ же.

Впрочемъ, не стану настаивать (потому что это мнѣ не такъ важно) на объективной значимости содержанія письма. Таковъ ли г. Э. или не таковъ—почти безразлично. Важно то, что читатель можетъ составить себѣ по данному письму нѣкоторый образъ, хотя бы онъ былъ чисто художественнымъ и нѣкоторое понятіе о томъ, какія переживанія сопровождаютъ общеніе съ личностью высшаго типа. А въ этомъ все дѣло.

ростная простота, душнѣесть лѣснаго ландыша, окропленнаго утреннею росою; это—прохладная кристалльнѣесть горнаго ключа, журчащаго по гранитному ложу.

У. Э. почти не сходить съ устъ ясная улыбка, но за нею (хорошо узналъ это изъ разговоровъ)—неизмѣнная тоска по небу. Будто про эту душу сказано:

.....на свѣтѣ томилаcь она,
желаніемъ чуднымъ полна...

Однако не подумай, что тутъ что-нибудь блѣдное и фарфоровое. Нѣтъ,—ничего подобнаго: здоровѣе тебя со мною и уравновѣшеннѣе. Нѣтъ въ немъ нашихъ издерганности и надломовъ,—растетъ подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ, какъ снѣжно-убѣленная лилія распускается подъ омытымъ солнцемъ, и сама не знаетъ о своей благоуханности... Э. представляется мнѣ не иначе, какъ въ широкой бѣлой одеждѣ, изъ грубой льняной ткани, мерцающей матово-жемчужно. Вспоминается (пишу тутъ же: все равно, порядку въ письмѣ не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ) одна изъ нашихъ прогулокъ зимою. За деревней была полная тишина, и только похрустывалъ подъ ногою насть. Солнце было недалеко отъ заката; на неровной настовой коркѣ трепетали свѣтѣвые лятна. Казалось мнѣ, что безконечно-милое солнце засыпаетъ путь, на встрѣчу Э., лепестками чайныхъ розъ. Снѣжная чистота, а надъ нею—свѣтъ, тепло и ароматъ,—подумалось тогда,—да это характеристика моего сосѣда. Вѣдь не то, чтобы онъ не вѣдалъ добра и зла. Далеко нѣтъ. Но въ каждомъ словѣ у него сквозить, что постоянно-бывающее, *fiens*, въ немъ безповоротно преодолѣно вѣчно-сущимъ, *ens*. Яснымъ солнцемъ онъ стоитъ надъ копошащимся хаосомъ, осіянный; и не хочетъ знать его, покрывая всю дѣйствительность серебрянными ризами,—живя въ той дѣйствительности, гдѣ уже нѣтъ хаоса, а есть Благо, да зло, которое будетъ просто уничтожено. Надъ Э. же—*ἡ πάντων Βασιλεύσα*. Мнѣ трудно безъ ѳеософическихъ терминовъ выразить свое впечатлѣніе. Можетъ быть короче всего сказать, что въ немъ *Μήτηρ Θεοῦ* безусловно подчинена *Μήτηρ Θεοῦ*, всегда рождающая и никогда не имѣющая устойчиваго Жена—единожды родившей Дѣвою. Онъ—подъ особымъ и специальнымъ покровительствомъ Пречистой, вполне прикрытъ честнымъ омофоромъ. Ея, такъ что даже нечистое очищается около него.

Припоминается: въ катакомбной стѣнописи голубь былъ символомъ Духа святого, невинной души и мира. Теперь мнѣ понятно, какую связь имѣютъ въ переживаніи эти три аспекта единого символа: Освящающая Сила, освященная душа и состояніе умирности, какъ результатъ освященія. Въ переживаніи эти три момента нераздѣльны, хотя и не сливаются между собою; только для разсудочнаго разсмотрѣнія, какъ и всегда, единый символъ голубя раскалывается на три несомѣстные аспекта.

Миръ души—вотъ что нужно отгнѣнить въ Э., реализовавшимъ слова „нашаго“ Святого, апокалиптического Серафима: „Радость моя, радость моя, стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!“ Вотъ именно, радость моя, нечаянная радость моя.—Миръ духа—не нирвана, наоборотъ, это—повышеніе жизненнаго пульса, такъ что и радость съ горемъ становятся интенсивнѣе, и всѣ впечатлѣнія конкретнѣе и сочнѣе. Но сознаніе всякій разъ допускаетъ въ себя только осіянную сторону ихъ и не даетъ врываться хаосу. Для Э. зло не степень и не абстракція, оно—реальная сила; однако мы никогда не должны допускать его въ сознаніе, какъ нѣчто имманентное ему, а должны всегда относиться ко злу какъ чему-то безусловно чуждому и вѣншнему, съ викингской яростью нападать на него, устремляясь съ копьемъ, но не переживать, какъ реальность,—однимъ словомъ, относиться ко злу, какъ Кантъ—къ вещи въ себѣ, т. е. видѣть въ немъ „предѣльное понятіе“, отрицать которое недолжно, но изслѣдовать которое невозможно, оставаясь имманентнымъ области добра.

Видю отсюда, что улыбаешься: „Зафилософствовался, и опять начинается всегдашняя „вода на облацѣхъ“. Возвращаюсь къ удовлетворенію твоей просьбы. Еще одно воспріятіе,—думаю, самое характерное. Когда смотришь на Э., то *видишь* (нарочно подчеркиваю это слово, чтобы ты не принималъ его за метафору)—видишь какое-то сіяніе. Мнѣ хотѣлось провѣрить свое впечатлѣніе, и какъ-то недавно я нарочно смотрѣлъ на Э. цѣлый день, не сводя глазъ. Какая лучистость, какая благодатность, даже, когда онъ говоритъ несуразное (случается и это). Отъ лица и, въ особенности отъ глазъ, исходитъ что-то,—тихое, ясное и лучезарное что-то,—то разгораясь сильнѣе, то почти угасая. Не знаю, какъ

опредѣлить эту благодатную силу, но ближе всего она сродна со спокойнымъ свѣтомъ. Понимай, какъ знаешь: лучше не могу выразить. Но помни только, что я говорю о дѣйствительномъ воспріятіи, простомъ, какъ звукъ, а вовсе не такъ называемыми въ нашей публикѣ, „поэтическими сравненіями“ ¹⁾).

¹⁾ По поводу послѣднихъ словъ г. И. сдѣлаю маленькое примѣчаніе.

Человѣчество разсматривается теперь въ качествѣ *chair à statistique*, и не мудрено, что подъ такимъ угломъ зрѣнія изслѣдователи упорно не замѣчаютъ кричащихъ различій между личностями, сливая всѣхъ въ сѣрый комокъ, въ „сплоченную посредственность“ (*conglomerated mediocrity*)“ (Дж. Ст. Милль), въ „паусную икру, сжатую изъ мириадъ мѣщанской мелкоты“ (Герценъ): это, молъ, только особи. *Нежеланіе* признать наличность типовъ возрастанія заставляетъ боязливо стирать всѣ различія, потому что они могли бы открыть глаза на существованіе духовной іерархіи. Одно изъ такнхъ различій въ продолженіе тысячелѣтій единодушно указывается священными книгами и литургическими памятниками всего рода людскаго, настойчиво, будто для обличенія предвзятости, тысячекратно отмѣчается цѣлою толпою свидѣтелей и оно, именно, многозначительно игнорируется—говорю о томъ, что святость и свѣтъ какими-то таинственными узами связаны между собою въ человѣческомъ сознаніи, и объ этомъ кричитъ весь *orbis terrarum*. Что святые наслаждались въ своихъ созерцаніяхъ „сладостью неизреченнаго свѣта“; что подвижники во время видѣній сами сіяли свѣтомъ, и что это видѣли окружающіе ихъ; что сотни нравственно-религіозныхъ „метафоръ“ во всѣхъ языкахъ и не меньшее множество ритуальныхъ дѣйствій всѣхъ народовъ устанавливають ту же связь между впечатлѣніями отъ высоко-духовной личности съ впечатлѣніями отъ свѣта или чего-то въ этомъ родѣ—все это несомнѣнно, все это великолѣпно знаетъ каждый, кто хотя бы однимъ глазомъ безпристрастно заглядывалъ въ Библію, свято-отеческую литературу, въ требникъ любого исповѣданія, въ житіе любого святого и т. п., кто сколько-нибудь непредвзято вдумывался въ то, на что тычетъ пальцемъ и языкъ, и бытъ. Если бы ничтожную долю относящихся сюда свидѣтельствъ выписать на лоскутахъ бумаги и взвалить бремя выписокъ на спину современному позитивисту, то его спрессовало бы въ листъ, какъ какого-нибудь археоптерикса. Но и это соображеніе на позитивиста не подѣйствуетъ. Вѣдь онъ не споритъ и не сомнѣвается; онъ презрительно отмахивается и легкомысленно скользитъ взглядомъ по внушительному арсеналу фактовъ: рѣшилъ себѣ, что это—„только такъ“, „поэтический оборотъ рѣчи, укоренившійся отъ историческихъ вліяній“, и... успокоился. Говорятъ ему: „вотъ: А, Б, В и т. д. утверждаютъ, что они сами имѣли переживанія такого рода; по словамъ самовидцевъ тутъ, дѣйствительно, привносится въ сознаніе какой-то специфическій элементъ, устанавливающій связь между свѣтомъ и святымъ; имѣется особая данная для сравненія того и другого“. Но собесѣдникъ—все

Однимъ утромъ, когда я лежалъ еще въ полу-снѣ, мой другъ разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ проворовавшимся мужикомъ и убѣждалъ его покаяться, говорилъ о мученіяхъ совѣсти. Ты знаешь, какъ нестерпимы для меня всякія наставленія и какъ выводить изъ себя морализированіе. Навязчивость ихъ, ихъ неделикатность и обычное неуваженіе къ живой личности во имя „принципа“ и схемы заставляютъ изъ одного только протеста поступить наоборотъ. Но тутъ... тутъ впервые, можетъ быть, я услышалъ голосъ „власть имѣющаго“. Такая убѣжденность въ силѣ добра звенѣла съ каждой нотой его голоса, столько жгучей

свое: „Метафора,—не болѣе. Или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просто свѣтовые ощущенія, не имѣющія никакой объективной значимости.“—„Скажите, спрашиваютъ его, могутъ ли просто свѣтовые ощущенія занимать высоко-нравственныхъ людей—людей, которыхъ другіе не могутъ не признавать цвѣтомъ рода людского? Могутъ ли просто свѣтовые ощущенія привлекать къ людямъ тысячи посѣтителей? А, съ другой стороны, стоило ли бы говорить обо всемъ этомъ, какъ о чемъ-то особенно важномъ и особенномъ, если бы дѣло шло о простой метафорѣ? Подумайте: что-нибудь обозначается же нею. На что-нибудь опирается же метафора столь живучая.“—„И думать не ставу: все это чепуха и мистика. Кто можетъ этому серіозно вѣрить?“—„Да Вы пойдите и посмотрите, можетъ быть и сами увидите.“—„Тогда, значитъ, и я психозъ“, и т. д.

А между тѣмъ, указываемая категорія фактовъ чрезвычайно важна. Вѣдь въ ней, повидимому, даются нѣкоторые признаки, чтобы „объективно“ доказать дѣйственность „идеальнаго“ фактора, дается ощутительность дыханію святости, даются ключи къ тайникамъ религіозной жизни, полнымъ стариннаго золота, осмысливается многое, что большинству кажется безсмысленнымъ (напр. въ культѣ) и что, однако, по неумолимымъ законамъ духа, изъ столѣтія въ столѣтія, отъ народа къ народу повторяется по всей землѣ. Эти явленія „благодатнаго свѣта“ слишкомъ существенны, чтобы можно было замалчивать ихъ далѣе. Они требуютъ своего разбора и, *если бы даже* отринуть объективное содержаніе всѣхъ свидѣтельствъ, то *все же* останется еще другой фактъ—фактъ, дѣлающійся при предположенномъ отрицаніи болѣе загадочнымъ, еще настоятельнѣе требующимъ вниманія къ себѣ:—это, именно, повсюдная повторяемость и всеобщность самаго свидѣтельствованія, какая-то внутренняя необходимость для человѣческаго духа свидѣтельствовать о „благодатномъ свѣтѣ“. Эти факты, повторяю, ждутъ своего изслѣдователя. (Небольшая часть матеріаловъ по этому вопросу будетъ разсмотрѣна въ одной изъ статей, соприкосновенныхъ съ работою „О возрастаніи типовъ“).

любви, столько безконечной бережности и уваженія къ личности было въ его рѣчахъ,—простыхъ и безвычурныхъ, что я былъ потрясенъ и уничтоженъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что между нами и нимъ—пропасть, которой не перескочить безъ особой благодатной помощи,—не перескочить никакими стараніями, никакими совершенствами. Но, въ неудержномъ благоговѣніи, стирался всякій слѣдъ гордости предъ этимъ существомъ высшей породы, умолкали послѣдніе отголоски протестовъ: „почему онъ, а не...“, „но, можетъ, всякій могъ бы достигнуть, если бы...“ и т. п. Только овѣивала чистая, безкорыстная радость,—радость, что есть предо мною живое существо, качественно иначе воплощающее идеалъ, что добро перестаетъ быть объектомъ одного только внутренняго созерцанія, и становится реальной силой, проникаетъ тѣлесность, вспыхиваетъ во всемъ организмѣ Э. изступленно-сіяющей красотой. Я могу органами чувствъ воспринимать красоту-добро, осязать, видѣть, слышать ее,—впивать то, что неизмѣримо, качественно, существенно выше меня!

Мнѣ приходилось наблюдать дѣйствіе Э. на другихъ. Видѣлъ я, какъ рыдалъ испачкавшійся и изгадившійся фабричный, при видѣ этой красоты духа оглянувшись на себя въ глубокой тоскѣ; видѣлъ еще многое другое. Но я знаю больше.—Однажды Э. и я были вынуждены прождать со сторожемъ при вогзалѣ всю холодную ночь въ стѣрожевой будкѣ. Обезсиленный двумя бессонными ночами и иззябшій, я невольно опустилъ голову на колѣни своего друга и заснулъ. Во снѣ онъ явился мнѣ, сіяющимъ, какъ Архангелъ, и я зналъ, что онъ отгоняетъ отъ меня всѣ злыя силы. Можетъ быть, въ эту холодную ночь, голодный и измученный, я впервые за всю свою жизнь былъ безусловно спокоенъ. Мнѣ казалось, что я плаваю въ нѣжно-сіяющемъ морѣ благодати; будто неземная сила льется въ помощь мнѣ широкими потоками свѣта, баюкаетъ и оживляетъ меня, наполняя свѣтоносною водою живую все существо... Послѣ того вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но до сихъ поръ звучать въ ухахъ у меня отголоски какой-то все-умиряющей музыки, до сихъ поръ еще разрывается грудь отъ радости, и восторгъ душитъ меня. До сихъ поръ еще чувствую струю благодатной силы.

О счастье, счастье! Я видѣлъ Ангела-хранителя,—и ничего болѣе осязательнаго я никогда, ни во снѣ, ни на яву не видалъ. Этотъ сонъ поднялся надъ явью и сновидѣніемъ, далъ такую реальность, которой не отнять у меня всѣ разрѣшители дѣйствительности во мнимость... Никогда съ такою силою не волновало меня прошеніе: „Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ“, какъ теперь,—никогда не звучалъ съ такою побѣдною надеждою отвѣтный возгласъ лика:

„Пода-ай, Госпо-оди!“

Павелъ Флоренскій.
